

М.П. Загурская, А.Н. Корсун

Серые кардиналы

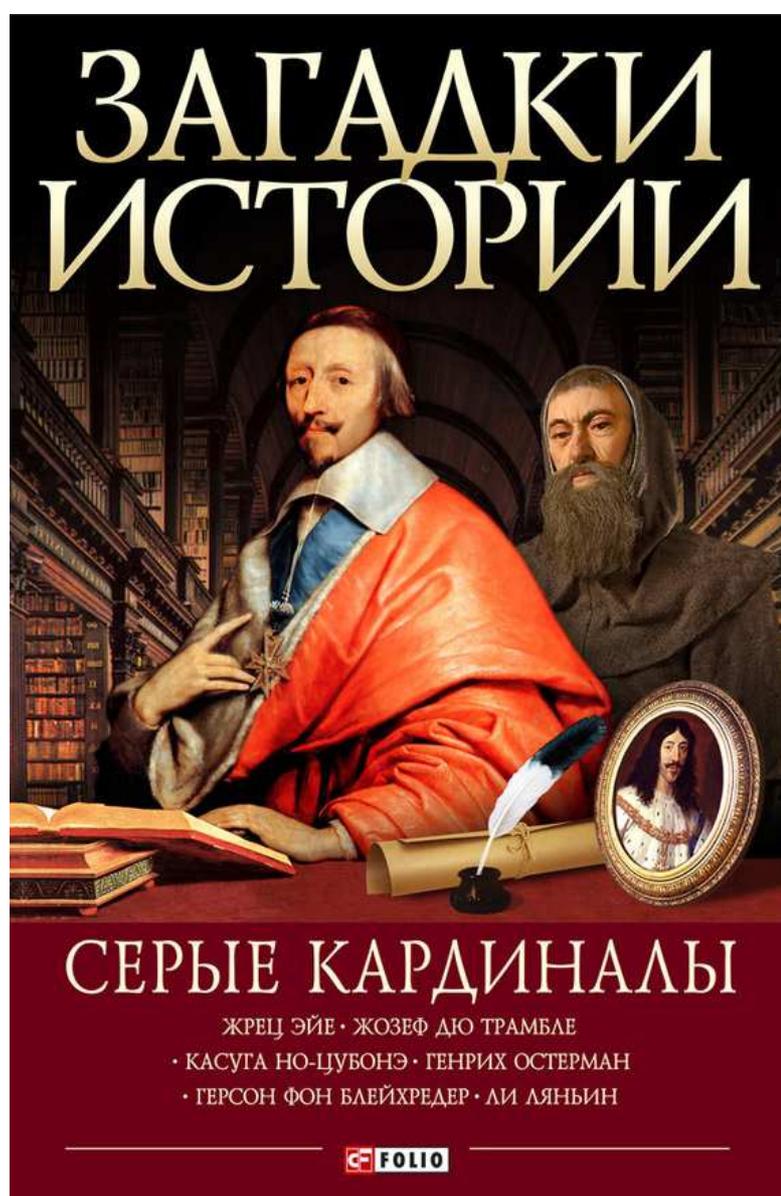
Издательство: Фолио

Серия: Загадки истории

ISBN 978-966-03-5573-6, 978-966-03-5147-9

2011 г.

Глава о графе А.И.Остермане

ГЕНРИХ ИОГАНН ФРИДРИХ ОСТЕРМАН

(1686–1747)

Наша система должна состоять в том, чтобы убежать от всего, что могло бы нас в какие-то проблемы ввести.

А. И. Остерман

Граф Остерман, бесспорно, был одним из величайших министров своего времени. <...> Он умел проникать в суть вещей и обладал недюжинным умом. Он был чрезвычайно работоспособен, очень ловок и неподкупен... С другой стороны, он был сверх меры недоверчив и часто слишком давал волю своей подозрительности. <...> Он был мастером всевозможных перевоплощений, никогда не смотрел людям в лицо и часто бывал растроганным до слез, если считал необходимым расплакаться

Х. Г. Манштейн. Записки о России, 1727–1744

Этот человек обладал поистине уникальной способностью притворяться. Он мог перехитрить любого человека, чем нажил немало врагов, которые просто жаждали его низвержения. Но на дипломатическом фронте его победы сравнивали с Полтавской битвой.

Его имя Генрих Иоганн Фридрих Остерман.

Кем же он был: гениальным политиком? Расчетливым интриганом и карьеристом? Безродным выскочкой? Или человеком, достигшим многого благодаря своему трудолюбию и недюжинным способностям?

Тонкий политический нюх, знание человеческих слабостей, самообладание, беспринципность и умение вовремя поставить на победителя, плести сложную интригу и при этом оставаться в тени – все эти качества позволили Остерману удержаться на плаву при пяти властителях. Остерман пришел на арену истории при Петре I, вершил судьбы людей при Екатерине I, Петре II, Анне Иоанновне, он «дергал за ниточки», интриговал и вершил тайную политику, он принимал участие в падении Бирона и – какая тонкая ирония судьбы – был низвержен Елизаветой, не самой дальновидной и проницательной монархиней.

Мальчик из вестфальского города Бохума Генрих Остерман отправляется или, вернее, вынужден бежать из родного края через границу, сквозь мглу и туман неизвестности – искать счастья на чужбине. Он проходит извилистыми путями, достигает величия и, в конечном счете, разделяет судьбу многих великих: его ждет падение, и притом падение сокрушительное.

Остерман – странник среди миров, и немец, и русский. Это знаковая фигура, пытавшаяся расставлять вехи на решающем для России и для Европы рубеже эпох. Как рационально действующий политик, он находился под влиянием идей и идеалов поднимающегося Просвещения.

Историки закрепили за ним репутацию «хитрого вестфальца». Герцог Лирийский, первый испанский посол в Петербурге, так его характеризовал: «Он имел все нужные способности, чтобы быть хорошим министром, и удивительную деятельность. Он истинно желал блага русской земле, но был коварен в высочайшей степени, и религии в нем было мало, или, лучше сказать, никакой, был очень скуп, но не любил взяток. В величайшей степени обладал искусством притворяться, с такою ловкостью умел придавать лоск истины самой явной лжи, что мог бы провести хитрейших людей. Словом, это был великий министр».

«СКЕЛЕТ В ШКАФУ» И ИЗВИЛИСТЫЙ ПУТЬ В РОССИЮ

Петр Великий гениально умел выбирать и приближать к себе одаренных людей. Петр Алексеевич увидел Остермана. Петр Алексеевич выделил Остермана. Петр Алексеевич способствовал социальному и профессиональному взлету Остермана, которого потом называли гением злодейства, гением интриги.

Но как Генрих Иоганн Фридрих Остерман попал в поле зрения российского императора? Благодаря каким хитросплетениям судьбы он попал в северную столицу и Россию вообще? Как сумел обратить на себя внимание Петра?

В жизни Остермана, которая складывалась как увлекательный авантюрный роман XVIII в., можно найти основу сюжета для античной трагедии о взаимоотношениях фатума и человека или мрачной драмы о роли случая в человеческих судьбах. А можно – и сюжет классического детектива, который и стал отправной точкой для непростой дороги, в конце концов приведшей молодого Генриха на туманные берега Невы.

9 июля 1686 г. в Бохуме в семье пастора Иоганна Конрада Остермана и дочери стряпчего Урсулы Маргариты Виттгенштайн родился третий сын – Генрих Иоганн Фридрих. Его отец собственноручно делает запись в метрической книге лютеранской общины: «9 июля родился Генрих Иоганн Фридрих Остерман, 13-го же был крещен».

Семья Остермана принадлежала к узкому буржуазному кругу, и входила, как бы мы сейчас сказали, в верхушку городской элиты. Остерманы, выходцы из зажиточных крестьян соседней деревни Вимельхаузен, в 1593 г. получили в лице юриста Маттеуса Остермана бохумское гражданство и быстро вошли в имеющий академическое образование немногочисленный правящий слой. Из этого рода выходили священнослужители, юристы, бургомистры, высокопоставленные чиновники, адвокаты. Остерманы владели в Бохуме несколькими домами.

Дед Иоганн Остерман много лет служил в храме, нынешней церкви Апостола Павла. Лютеранский пастор, он возглавлял церковный округ, как и его сын, Иоганн Конрад, отец Генриха Остермана, 37 лет прослуживший пастором и также возглавлявший церковный округ.

Церковь, лютеранская община, пасторский дом – это был не просто рутинный круг как «три К» для немецкой фрау – «кирха, кюхен, киндер», это был воистину счастливый билет для молодого человека. В XVII и XVIII вв. в пасторских домах получали воспитание многие представители интеллектуальной элиты.

Родительский дом являл собой контраст с невообразимой провинциальной узостью и мелочностью городка Бохума, которые окружали молодого Генриха. Ведь во времена Остермана Бохум представляет собой захолустный городок, который очень медленно развивался с момента основания примерно в 800 г. из небольшого поселка рядом с дворцом Каролингов и католическим собором Св. Петра и Павла (позднее ставшим главным собором) в центре. Лишь в начале XIV в. Бохуму удалось приблизиться к городскому статусу по условиям жизни. Прочных городских стен у Бохума не было никогда: он был окружен лишь земляным валом и рвом, в городе было пять ворот.

Правда, этот небольшой городок в вестфальском графстве Марка в 1616 г. был присоединен к Бранденбургу - Пруссии, а с течением времени приобрел известное значение как центр развития торговли и хозяйства, а также религиозный, административный и судебный центр для всей сельской округи.

Несмотря на эту по-сельски ограниченную городскую идиллию, молодой Генрих получает хорошее образование. Он – способный мальчик. Сначала его обучает сам отец, который «держит в строгости» молодого человека, по отзывам «очень живого, пылкого, но и холерического темперамента» и стремится воспитать его «в страхе Божьем».

Затем он идет в школу в Бохуме, где изучает «латинский язык наряду с другими гуманитарными науками», и, наконец, в 12 лет переходит в очень престижную, дающую уже основы академических знаний гимназию в старинном ганзейском городе Зосте.

Молодой Генрих был хорошим, далеко превосходящим средний уровень студентом, чрезвычайно умным и прилежным, но «горячим» и эгоистичным. Впрочем, он уже в девять лет потерял мать и с трудом приспособился к школьным порядкам в Зосте, потому что был непокорен и точно знал, чего он хочет и что ему нравится в школе; он ни за что не пропустит занятия своего обожаемого учителя, поэтому он вместе с ним временно переходит в гимназию в Дортмунде и вынужден после этих «гастролей» раньше времени покинуть школу в Зосте, поскольку хочет получать индивидуальные уроки.

Как и полагалось юноше из хорошей семьи, он записывается 9 сентября 1702 г. в Йенский университет в Тюрингии. В матрикулы университета он занесен рядом со своим старшим братом Иоганном Адольфом. Что же он здесь изучал? Была ли это теология – в этом, имеющем строго ортодоксально-лютеранскую направленность, университете – или, как все предполагают, все-таки скорее юриспруденция – предмет, выбранный и его братом? Это нам доподлинно неизвестно. Известно, что Генрих Остерман слыл в Йене очень прилежным студентом, но время от времени из-за своей вспыльчивости он имел неприятности, а также активно участвовал в совершенно необузданном разгуле имевшего повсюду дурную славу йенского студенчества.

В Йене Генрих Остерман – красивый, но небольшого роста юноша – прилежный студент, но никак не домосед. Он наслаждается студенческой жизнью на всю катушку, вступает в организованную по принципу землячества корпорацию «вестфальцев» и участвует в диких студенческих попойках и драках.

Через год учебы из-за юношеского легкомыслия произошел случай, который изменил всю последующую жизнь Генриха Остермана: 4 мая 1703 г. во время веселой пирушки с обильными возлияниями Остерман, в ту пору еще не достигший 16 лет, в состоянии аффекта и, как явствует из регистра смертей г. Йены, «в сильном опьянении» в университетском студенческом трактире «У розы» в половине двенадцатого ночи насмерть заколол своего университетского приятеля и однокурсника. Студенческая драка вылилась в ужасную трагедию, в убийство.

Сохранился документ свидетельских показаний некоего И. Ф. Тиманна, очевидца трагического события: «4 мая 1703 г. В погребок вошел студент, который закончил учебу и получил известие возвращаться домой. Вместе с ним было двое сопровождавших его друзей. Перед отъездом они хотели поужинать и расположились в углу комнаты, где пировало сборище пьяных вестфальцев.

Среди них был «маленький Остерман», изрядно подвыпивший. Ему пришла фантазия потанцевать, и он столь диковинным образом претворил ее, что чужак, сидевший за столом на скамье, громко рассмеялся. Тогда один из буйной компании, заметивший это, сказал Остерману: «Братец, этот человек насмехается над тобой!» Ни слова не говоря, без всякой попытки формального предупреждения, Остерман обнажил шпагу и в мгновение ока проткнул невинного, несчастного и, кстати, безоружного юношу. Остерман обратился в бегство и ускользнул от правосудия». Его жертвой оказался Г. Ф. Борхердинг, сын ветеринара из Ганновера, студент университета с 1699 г. В книге усопших лютеранской церкви в Йене сохранилась следующая запись: «Погребен студент Борхердинг, которого 4 мая в половине двенадцатого ночи во время пирушки заколол студент по фамилии Остерман, бюргер из Вестфалии». Потом Генрих в оправдание придумает версию дуэли. Но это будет неправдой. Дуэли не было, имело место прозаическое убийство.

История эта за века успела обрасти преданиями. Например, рассказывают, что мать Борхердинга, убитая горем, в сердцах прокляла род убийцы, пожелав исчезнуть всей фамилии (и ведь действительно, мужская линия потомков Остермана пресеклась, все его сыновья остались бездетными). А могила несчастного студента на городском кладбище и сегодня украшена цветами. О ней в народе рассказывают легенды, на нее приходят и сегодня молодые люди. Существует предание о том, что в брачную ночь, проведенную 4 мая на могиле Борхердинга, возникнет новая жизнь, которой будут суждены долгие счастливые годы, непрожитые юношей.

Ничего не подозревающий отец Генриха Остермана упал без чувств, когда ему пришлось, в соответствии с тогдашним обычаем, зачитать с кафедры его церкви сообщение о розыске своего сына, объявленного вне закона. «Бюргеру из Вестфалии» удается избежать полицейского ареста, он скрывается и затем бежит в Амстердам.

И что же, это конец многообещающей карьеры? Жизнь непутевого студиозуса по глупости загублена?

Такое начало кажется немислимо странным для человека, вся жизнь и деятельность которого – абсолютный рационализм, сама предусмотрительность, просчет вариантов, тонкая, продуманная интрига. И все же, зная о долгой жизни Остермана, мы не можем сказать, что событие в кабаке «У розы» было исключительно делом рук случая, неожиданным и нелогичным. В личности Остермана была тайна, которая порой приоткрывалась в неожиданной страстности его натуры. За внешним хладнокровием, хитростью, расчетливостью скрывался вулкан честолюбия, гордости, тщеславия, а порой авантюризма. И тогда этот умнейший аналитик не мог справиться со своими страстями, допускал нелепые промахи и оказывался в крайне затруднительном положении.

После своего необдуманного и имевшего тяжелые последствия проступка в Йене Остерман спасается от правосудия, не желая отвечать по закону за свое преступление. Современники позднее писали, что воспоминания об этом поступке преследовали его всю жизнь и отравляли ему «самые светлые минуты радости». По их словам, для Остермана это было «стимулом» «хорошими поступками загладить вопиющее беззаконие». По крайней мере, Генрих Остерман долгое время предпринимал попытки, вначале поддерживаемые отцом, уладить дело с матерью погибшего и с германским правосудием. Усилия остались напрасными.

Радикальный поворот в его жизни, вызванный случившимся в Йене, ускорил внутреннее развитие Остермана. Его юность закончилась, пришла пора показать себя мужчиной. Остерман бежал в Голландию. Там, в тесных улочках Амстердама, и укрылся беглый студент – без гроша в кармане, без будущего. Он решительно ухватился за шанс, подвернувшийся ему в Амстердаме, – шанс начать новую жизнь.

Следует сказать, что события в трактире «У розы» происходили как раз в те дни, когда Петр I основывал Петербург, ходил по Заячьему острову, где возводилась крепость, праздновал свою первую победу на море, когда во главе абордажной команды взял два шведских корабля. Россия с шумом выходила на берега Балтики. И ей были остро необходимы люди, специалисты. Петр послал в Амстердам недавно нанятого им адмирала Крюйса, который набирал людей для работы в Московии. И вот пути Остермана и Крюйса в какой-то момент пересеклись, и это стало вторым поворотным моментом в жизни Остермана.

И в 1703 г. Генрих Остерман нанялся на должность подштурмана к адмиралу петровского флота голландцу Корнелию Крюйсу, получившему от Петра Великого задание нанять на российский флот матросов и ремесленников-корабелов. Остерман поступает на российскую службу в качестве младшего рулевого, но скоро поднимается до должности секретаря вице-адмирала. Вот так он, собственно, и попал в Россию, таким бродягой, беглым преступником, амбициозным, умным и готовым на все.

ОСТЕРМАН ПРИ ПЕТРЕ I

В этот период жизни Генриха Остермана еще нельзя говорить о нем как о «сером кардинале». Во-первых, в силу возраста – он еще молод, его таланты не совсем определены, он имеет большой потенциал, но этому потенциалу только предстоит развиваться.

А во-вторых, «серые кардиналы» вершат закулисную политику при слабых государях, к коим отнести Петра I ну никак нельзя. Быть может, и такими правителями можно манипулировать, но для этого их нужно превосходить по многим параметрам, с чем вряд

ли бы справился шестнадцатилетний молодой человек.

На заре его жизни в нем, гуляке-студенте, с трудом угадывается тот пожилой господин, обремененный болезнями, тонкий и коварный интриган, которым его обычно изображают в художественной и популярной литературе.

Поступление на российскую службу – серьезный шаг для всего лишь шестнадцатилетнего молодого человека из Бохума. Но, может быть, и без трагического события в Йене он когда-нибудь направил бы свои стопы в Россию, потому что царь Петр Великий значительно активизировал начатую еще его предшественниками политику привлечения западных специалистов к процессу модернизации своей страны и строительству боеспособного флота. Он обещает устремившимся в его империю иностранцам многочисленные привилегии, в том числе религиозные, перспективу получения высоких государственных должностей и достижения высокого положения в обществе по принципу «одаренным открыта карьера». И многие приезжают – как коммерсанты, техники, архитекторы, врачи, аптекари, офицеры, дипломаты, ученые, ремесленники, так и авантюристы, политические интриганы и мечтатели.

Например и старший брат Остермана, Йоханн Христоф Дитрих, по протекции Генриха Гюйсена из Эссена, находящегося на российской службе дальнего родственника Остерманов, уже с 1702 г. находится при царском дворе. Здесь он – учитель и воспитатель великих княжон – Анны, будущей императрицы, и Екатерины – дочерей сводного брата Петра царя Ивана, Ивана Алексеевича. Позднее брат Остермана станет бароном и будет назначен посланником герцога Мекленбург-Шверинского в России.

Когда именно прибыл в Санкт-Петербург Генрих Остерман, мы не знаем. Достоверно известно, что Остерман не находился в Петербурге ранее 1705 г. О раннем периоде его деятельности в новой российской столице сведений почти нет. Точно известно только, что уже в конце 1705 г. его имя внесено в церковную книгу местной лютеранской общины первой лютеранской кирхи Святого апостола Петра (что ныне радует глаз на Невском), общины, которую он постоянно поддерживал и которой он, как и своей протестантской вере, сохранял преданность на протяжении всей жизни.

Остерман быстро делает карьеру в Санкт-Петербурге: он довольно скоро поступает в Посольский приказ (Министерство иностранных дел). А затем становится тайным писарем царя при его походной канцелярии. Петр Великий познакомился с Остерманом по рекомендации Крюйса. Как пишет Ключевский, «Петр Великий, находясь однажды на корабле вице-адмирала Крюйса, попросил найти толкового чиновника, который мог бы грамотно написать письмо. Вице-адмирал представил царю Остермана. Государь остался очень доволен им, и с тех пор Андрей Иванович неотлучно находился при монархе».

С этой поры Петр I неизменно прибегал к услугам Остермана во многих вопросах. Он доверяет ему «сверхсекретные государственные дела» и вскоре тот становится его незаменимым помощником и советчиком царя во внешнеполитических делах. Петр I высоко ценит Остермана: «Ни разу и ни в одном деле этот человек не допустил ошибку, – говорил о нем Петр I впоследствии. – Я поручал ему писать к иностранным дворам и к моим министрам, состоявшим при чужих дворах, отношения по-немецки, по-французски, по-латыни. Он всегда подавал мне черновые записи по-русски, чтоб я мог видеть, хорошо ли понял он мои мысли. Я никогда не заметил в его работах хотя бы малейшего недостатка». Так Остерман становится личным секретарем Петра I.

Не имея в России ни связей, ни друзей, ни денег, он начал службу с должности писаря и переводчика и добился совершенно блестящих результатов за поразительно короткий срок.

Гибкий ум, исполнительность, немецкая точность – все было по нраву Петру. У Остермана было и еще одно качество, поражающее всех в России. Его отличала просто фантастическая работоспособность. По отзывам современников, он работал всегда: днем и ночью, в будни и праздники, чем заметно выделялся среди своих коллег – и русских, и иностранцев.

Итак, Генрих Остерман умен, невероятно прилежен и целеустремлен, дипломатичен, конфиденциален и лоялен. И прежде всего он очень способен к языкам. Он работал переводчиком в Посольском Приказе, потому что Петру I нужны были образованные квалифицированные люди, которые знали латынь, немецкий, голландский. Помимо своего родного немецкого языка Остерман знал латынь, французский, итальянский, очень быстро, за год, овладел русским языком. И в отличие, скажем, от императрицы Екатерины II, послания которой нужно было редактировать, Остерман писал и по-русски очень грамотно.

А что касается того, что Остерман был разыскиваемым преступником, то нужно вспомнить, что, во-первых, в окружении Петра было очень много иностранных специалистов, царь вполне поначалу мог и не знать подробностей биографии нового сотрудника, а потом, когда этот молодой человек проявил себя в качестве секретаря, ему это было уже не важно.

Да и самого Петра «уголовным прошлым» было не удивить, известно, что он сам был грешен. Не зря Лев Толстой называл его, быть может с излишней страстностью, «осатанелым зверем», вспоминая ситуацию 1718 г., когда царь Петр I фактически приказал негласно казнить сына царевича Алексея. Да и что царевич – почти четверть населения потеряла Россия за время петровского правления! И если бы это были только военные жертвы, среди них была значительная часть и гражданского населения.

Нравы тогда были соответствующие, эпоха, мягко говоря, была «не вегетарианская». Историю, увы, не делают в белых перчатках. В первом томе «Истории России», вышедшей в 1935 г. в Париже под редакцией П. Н. Милюкова, глава о петровских преобразованиях имеет многозначительный заголовок: «Результаты реформ: хаос». По образному выражению историков, «Петр I, словно отчаянный хирург, взялся лечить больного, безжалостно кромсая все его жизненно важные органы и не спасший тому ничего, кроме жизни». «Ценой разорения страны Россия возведена в ранг европейской державы... Политический рост государства, опять опередил его экономическое развитие».

А во-вторых, в России в этот момент, когда начинается масштабная война и серьезные реформы, нужны люди. А Остерман работает со знаменитым немецким усердием. И вообще, говоря об А. И. Остермане, следует помнить, что он был одним из первых немцев, которые вслед за Лефортом оказались на самом верху российской государственной иерархической лестницы, кто в бурные и переломные времена российской истории сыграл значительную роль в судьбе страны. Известно, что вопрос о роли иностранцев, и в частности немцев, в судьбе России в том или ином контексте, неоднократно поднимался и в литературе, и в науке, и в обществе в целом. Исследуя историю «европеизации» России, мы будем постоянно встречать немецкие фамилии среди тех, кто вносил в том или ином качестве свою лепту в развитие и совершенствование государства. Поэтому здесь уместно напомнить слова выдающегося русского историка и философа XIX в. Н.И. Костомарова, который писал об Остермане: «Вестфалец родом, чуждый России по происхождению, по воспитанию и по симпатиям, которые привлекали его как немца в немецкой народности, этот иноземец более всех других иноземцев, привлеченных в Россию Петром Великим, понял, что, поселившись в чужой стране, надобно посвятить себя совершенно новому отечеству и сжиться с духом, нравами, особенностями того общества, среди которого будет течь новая жизнь... Это был человек редчайшей для России честности, его ничем нельзя было подкупить – и в этом отношении он был истинным кладом между государственными людьми тогдашней России, которые все вообще, как природные русские, так и внедрившиеся в России иноземцы были падки на житейские выгоды, и многие были обличаемы в похищении казны. Для Остермана пользы государству, которому он служил, были выше всего на свете».

Пока он еще полный сил молодой человек, он удачно избег суда, попал в Россию, попал на службу, хорошую и перспективную службу, и поэтому он исполняет поручения, какие дают («пойди туда, сбегай сюда, уладь то, разбери это»). И этим, а также оценкой

обстановки и расклада сил, он и занимается. Пока.

Остерман хорошо осознает, что малейшая остановка на пути вверх, для него, иноземца, может стать полнейшим крахом. Для него в его шахматной партии очень важен дебют, он следит за всей доской и не дает противнику ни одного шанса.

Во всяком случае, проходит около пяти-шести лет с момента приезда Остермана в Россию, он трудится, зарабатывая репутацию и «политический капитал» как лицо, на которое царь может положиться в конфиденциальных делах, фактически выполняет роль тайного секретаря при Петре I.

Во время Северной войны Остерман находился при походной канцелярии Петра I. Уже в первые годы службы ему давали важные дипломатические поручения. Так, в 1710 г. он был послан к польскому королю Августу II с извещением о взятии Риги, а также к прусскому и датскому дворам, которые Петр Великий старался привлечь к более активному участию в войне против Швеции после Полтавской победы. По возвращении из поездки Остерман за успехи своих миссий в тот же год получил звание тайного секретаря посольской канцелярии.

С 1710 по 1716 годы Остерман, будучи иногда в свите царя, иногда самостоятельно, участвует в посольствах к важнейшим дворам Европы – в Дрезден, Копенгаген, Париж. В качестве тайного секретаря он находился с дипломатическими миссиями в Берлине (1713) и в звании канцелярии советника – в Гааге (1715). При этом он учится, оттачивает навыки, постигает дипломатическое искусство на практике.

Остерман участвует вместе с Петром I в Прутском походе, бывшем основной кампанией в русско-турецкой войне в 1710–1713 гг., плохо подготовленном и неудачно проведенном военном предприятии. Это одна из печальных страниц русской истории. Тем летом стояла невероятная засуха. Люди и лошади десятками гибли от болезней, жажды, голода. Остерман вместе с другими выносил невзгоды этого злосчастного предприятия, он вместе со всеми оказался в окружении, которое грозило обернуться катастрофой для русской армии. Петр не забывал таких проявлений преданности.

После тяжелого поражения в Прутском походе, которое Россия потерпела от Турции, Остерман принимает участие в переговорах с великим турецким визирем и вместе с вице-канцлером Шафировым способствует тому, чтобы сделать условия заключения мира более или менее сносными для России. Остерман сумел добиться приемлемых условий для русской армии: Петр I не попал в плен и армия смогла вернуться в Россию – неожиданный и считавшийся едва ли возможным успех.

Вскоре после этого (12 июля 1711 г.) Остермана назначают тайным секретарем, т. е. он получает звание, ранее принадлежавшее Шафирову, что впервые дает ему возможность заниматься самостоятельной работой.

Переговоры по итогам Прутского похода были первым уроком серьезной дипломатической работы. С этого времени и начинается блестящая служебная карьера Остермана.

В феврале 1713 г. он был послан в Берлин «с нужными изустными делами». В июне 1715 г., когда начал проявляться антагонизм в отношениях России с Англией, он побывал в Голландии, где в то время в руках князя Б.И. Куракина сосредотачивались нити русской внешней политики.

Загадки мирных переговоров Остермана. «Конфиденции» Аландского конгресса. Однако по-настоящему великий час для Остермана как государственного деятеля, как дипломата и «переговорщика» пробил спустя 7–8 лет, когда он в качестве полномочного представителя России ведет дипломатические переговоры России со Швецией по окончании 20-летней Северной войны. Как известно, шведы вели переговоры о мире дважды – в 1718 г. на Аландских островах (Аландский конгресс 1718–1719 гг., не принесший, правда, долгожданного мира со Швецией) и в 1721 г. в финском городке Нюстард (Ништад).

Если в наше время Швеция – это небольшое благоустроенное европейское

государство, то Швеция в начале XVIII века – великая европейская держава. И с этой великой европейской державой России пришлось воевать 20 лет. И русские победили, создав армию, флот, реорганизовав экономику фактически на манер «военного коммунизма». Но Швеция признавать поражение не хотела, она – великая держава, она не так легко признает роковой проигрыш. Швеция дралась до последнего, поэтому переговоры были кропотливыми и шли очень тяжело. Приходилось применять даже совершенно недипломатические методы. Вот один пример, чтобы понять, о чем идет речь: дипломаты ведут каждый свою игру со всем дипломатическим искусством, переговоры идут, но шведы упираются, как могут, и не идут ни на какие уступки, поэтому приходится высаживать российский «десант» в Швецию, чтобы немножечко там «побезобразничать» – сжечь один-другой заводик, разграбить пару городов, – а иначе не получается никак. Если «на войне как на войне», то в деле заключения мира – даже больше чем на войне. Все средства идут в ход. Сохранились сведения, что подобные методы стимулирования хода переговоров осуществлялись не только с молчаливого попустительства Андрея Ивановича, но им же и в подробностях царю и расписывались: какой пункт лучше задействовать, назывались уязвимые места, потребное количество «десантников» и т. д. То есть «одной рукой» этот интриган вершил официальную дипломатию, а «другой рукой» – ее неофициально подкреплял.

Канцелярии советник Остерман как один из двух российских уполномоченных (вместе с другой крупной фигурой петровской эпохи, Яковом Виллимовичем Брюсом) вел эти переговоры. Как распределялся их вклад, их заслуги в это нелегкое дело – вопрос щекотливый и сложный.

Брюс – шотландец по происхождению, астроном, математик, о котором не без оснований говорили, что он занимается черной магией и проводит в Сухаревой башне какие-то тайные колдовские опыты (так это или нет, но до сих пор ходят легенды, что в стенах этой башни была замурована некая «черная книга» Брюса). Однако переговоры на Аландских островах были не менее таинственны и загадочны, судя по последующим спорам историков.

Начать следует с того, что в голове ближайшего и самого доверенного министра шведского короля Карла XII Герца родился некий грандиозный замысел. Герц добился от своего сюзерена согласия на мир с Петром I, да еще на условиях отказа в пользу России от восточных прибалтийских территорий. Как могло случиться, что этот помешанный на войне король, не признававший иного смысла существования, кроме военных баталий, согласился на мирные переговоры со своим обидчиком, русским царем?

Дело в том, что Герц внушил ему, что мир с Петром I – верный путь к возрождению военного могущества Швеции. Союз с русским царем сделает Карла XII величайшим полководцем всех времен и народов! Фантастический проект Герца предполагал объединение под властью короля всей Скандинавии, возвращение его владений в Германии, а затем нанесение удара по Англии, где он передаст корону шотландской династии Стюартов. Но для этого нужна сильная армия, и она есть, тут, рядом, под боком: союз с Петром предоставит в распоряжение Карла победоносное русское войско! Только в голове сумасшедшего могла родиться такая бредовая идея, но она увлекла Карла, который и сам был всегда склонен к авантюрным предприятиям (вспомним его приключения в Турции).

Вначале переговоры начались со взаимных требований. Русские представители сразу заявили, что «его царское величество желает удержать все им завоеванное». Герц, покуда не раскрывая всех карт, ответил, что «король желает возвращения всего у него взятого». И каждый пытался аргументировать свои утверждения.

Несмотря на то что он числился вторым после генерала Я. В. Брюса, Остерман в действительности был душой всего дела. Инструкции Петра русским уполномоченным требовали от них максимальной гибкости, им давались полномочия даже обещать русское содействие в получении возмещения за территориальные потери «другой стороне».

Вместе с тем надлежало заявить шведам, что «мы с ними миру желаем, но и войны не боимся». Остерману в специальном письме Петр I давал поручение особого рода, основанное на глубоком понимании того, что представляла собой шведская дипломатия и сам Герц. Остерману нужно было частным образом войти с Герцем «в дружбу и конфиденцию», обещать ему награду и прочее.

Так два немца, один на службе русского царя, другой на службе короля шведского, слились друг с другом в дипломатических объятиях, ведя смертельно опасную игру. Обоим она могла стоить головы, если бы был сделан один неверный шаг – слишком высока была цена и ставка в этой аландской партии.

Остерману удалось выведать у Герца, что положение Швеции катастрофическое, население уменьшилось до 700 тысяч человек, в стране голод, нищета, эпидемии, что короля уже мало кто поддерживает, и поэтому нужна дипломатическая победа. Наконец, он открыл перед Остерманом свои основные карты: Россия в обмен на отвоеванные прибалтийские земли должна выставить 150-тысячную армию и в союзе со Швецией обрушиться на Польшу, Данию, Англию, Голландию, Германскую империю, словом, фактически на всю Европу. Что же все-таки это было – безумие шведского министра или западня?

Остерман прекрасно понимал, что предлагаемые Герцем условия заключения мира самоубийственны для России. Но он не спешил отвергать их. Он вел свою игру, выполняя данные ему Петром I инструкции: входить с Герцем «в конфиденцию как можно глубже» и ни в коем случае не останавливать переговоры. В это время он вел тайную зашифрованную переписку с Шафировым, поверяя ему ход переговоров.

Старый Яков Брюс практически был уже отстранен от дела. Остерман полагал, что если не добиться сейчас мира, то война продолжится, и неизвестно, когда и как она закончится. Но и план Герца был конечно же неприемлем. Хотя реальным было и другое: союзники, возбуждаемые Англией, в скором времени, несомненно, выступят против России, поэтому возможен упреждающий удар против них. А Петр слал все новые послания, призывая не отвергать даже совершенно неприемлемые предложения Герца.

Остерман, сознавая в глубине души, каким чудовищным риском является вся эта затея, надеялся в конце концов на счастливый случай, благодаря которому вообще удастся уклониться от продолжения столь опасных переговоров и выполнения обязательств по ним. «Надобно и то принять в соображение, – писал он Шафирову, – что король шведский по его отважным поступкам когда-нибудь или убит будет, или, скача верхом, шею сломит. Если это случится по заключении с нами мира, то смерть королевская освободит нас от дальнейшего исполнения обязательств, в которые входим». Заканчивая свое письмо, он добавлял: «Богу известно, как я утомлен, я не могу собрать мысли». Что ж, в такой ситуации, находясь на самом острие сложнейших международных противоречий, готовых взорваться и ввести Европу в новые смертельные потрясения, можно было надеяться лишь на чудо. И оно случилось. Шальная пуля при осаде норвежской крепости оборвала жизнь Карла XII. Неизвестно, кем она была выпущена, но Аландский конгресс «благополучно» прервался, похоронив все безумные планы Герца.

В хитрой дипломатической игре А.И. Остерман проявил огромную выдержку, терпение и настойчивость. Так он показал царю свою заботу о сохранении казны: Петр I приказал выдать ему 100 тыс. червонцев для подкупа шведских уполномоченных, но Остерман успел употребить лишь 10 тыс., а девяносто возвратил обратно. Это было очень по сердцу царю, который всегда берег государственное достояние и строго наказывал казнокрадов.

Баронство за Ништадтский мир. А через два года Остерман, ставший к тому времени уже тайным советником канцелярии, вместе с Яковом Брюсом принял участие в подготовке и подписании Ништадтского договора, согласно которому между Россией и Швецией устанавливался «вечный, истинный и ненарушимый мир на земле и воде».

30 августа 1721 г. в Ништадте был наконец подписан мирный договор, завершивший

длительную Северную войну. Труднейшие переговоры велись с перерывами три с лишним года. За это время в Швеции, по сути, сменилось три политических режима, не меньше перемен произошло и в других странах Северной Европы.

Фактически, Остерман на переговорах со шведами действовал самостоятельно, с минимальной оглядкой на формального начальника – он, в частности, имел собственный канал связи с Петербургом, а в какой-то момент даже – собственный шифр, недоступный Брюсу. Разумеется, Брюсу все это не нравилось – он делал соответствующие заявления, его утешали, на этом, собственно, все и кончалось: слава Богу, среди достоинств Якова Брюса была еще и редкая в тот век пониженная склонность. Остерман же проявил себя тонким, настойчивым и умным переговорщиком. Да и не только – в своем служении России он в какой-то момент перещегоолял самого Петра I. Дело было на последней стадии Ништадтского конгресса.

Желая закончить дело во что бы то ни стало, Петр I принял решение пойти на дополнительную уступку шведам – вернуть им захваченный еще в 1710 г. Выборг. С официальным изложением новой русской пропозиции в Ништадт был послан Ягужинский. Остерман получил обо всем этом сведения по своим каналам, однако счел петровскую уступку излишней. Не осмеливаясь спорить с монархом, он написал письмо коменданту Выборга с просьбой задержать проезжающего через город Ягужинского самым характерным для того способом. В результате Ягужинский пропьянствовал в Выборге неделю. Когда же он все-таки приехал в Ништадт, мирный договор был уже подписан. Выборг остался за Россией.

Остерману и Брюсу при подписании Ништадтского мира удается выторговать блестящие условия: Россия получила Эстляндию, Лифляндию, Ингерманландию, города Выборг и Кексгольм и обеспечила свое господство на Балтийском море, а также закрепила свой статус новой великой державы. Империя «вошла» в Европу и получила важную партию в ансамбле европейских держав. Швеция довольствовалась компенсацией в 2 млн ефимков и правом беспошлинно покупать хлеб в Риге и Ревеле. Это был выдающийся успех петровской внешней политики и дипломатии, долгожданный исход войны, которую царь назвал «троекратной школой».

Это был не только большой успех России, правитель которой Петр I теперь принимает титул императора и прозвище Великий, но и успех Остермана, получившего признание как творца этого договора. Лица, проводившие такие переговоры, разумеется становились известными в дипломатических кругах Европы, следовательно, и Остерман попал в элиту дипломатии.

Петр I находился на вершине счастья и не скрывал своего торжества. Он писал, что никогда «наша Россия такого полезного мира не получала». Петр был очень доволен – закончилась тяжелейшая война, мир был заключен на тех условиях, на которых Россия настаивала (современники в мемуарах писали, что Петр три дня праздновал этот договор, от радости даже плясал на столе – конец 20 годам тяжелейшей войны).

Царь щедро наградил причастных к переговорам. Тем же числом, что и подписание мирного договора, датирован указ о пожаловании А. И. Остерману титула барона. После Шафирова это был второй баронский титул в России.

8 сентября в Петербурге началось празднование Ништадтского мира. Почти месяц устраивались маскарады, танцы, фейерверки. В октябре в Сенате от имени его членов состоялась торжественная церемония поднесения царю титула «Отца Отечества, Петра Великого, Императора Всероссийского». Зимой празднования перенесли в Москву.

Петр I был столь доволен мастерством Остермана, его дипломатическими успехами, что даже... женил его на одной из первых русских красавиц – Марфе Ивановне Стрешневой, связанной родственными узами с царствующим домом, которая, впрочем, по мнению современников, «была одно из самых злых созданий, существовавших на земле». Но тут уж ничего не поделаешь, в этих случаях, как говорится, дипломатия бессильна. Сам Петр почтил молодоженов своим присутствием. В «Походном журнале» царя есть

запись от 22–23 января 1721 г., что «их величества были на свадьбе у Андрея Остермана».

Переговоры со Швецией это не только победа России, но и личная победа для Остермана. В день заключения мира бывший бохумский беглец Генрих Остерман становится титулованным дворянином, бароном, он получает ценные подарки, имение и входит в то, что мы сейчас называем государственной элитой. Однако он так никогда и не стал светским человеком, придворным, которого могли занимать экстравагантные праздники, маскарады, бурлески, балы и охоты, определявшие лицо петербургской придворной жизни. Остерман был и оставался придворным «карьеристом», который, благодаря своему уму и знаниям, действовал за кулисами и держал в руках нити управления государством.

Показательный словесный портрет А. И. Остермана оставил один из современников: «Остерман обладал представительной внешностью и хорошим сложением, но и не менее одаренным разумом. Свой ум он доказал главным образом в трех вещах. Первая – он никогда не покровительствовал никому из друзей. Вторая – он почти всегда притворялся больным, благодаря чему избегал многих подозрений и преследований, да и легко мог скрывать свои мысли и намерения. Третье – то, что он женился на природной русской знатной даме. Благодаря этому последнему большинство русских видели в нем соотечественника».

Но все же Андрей Иванович, живя в России десятилетиями, так и не приобрел друзей и всегда оставался одинок. Да это и понятно – общение с ним было не очень-то приятно. Его скрытность и лицемерие были притчей во языцех, как и не слишком искусное притворство. В самые ответственные или щекотливые моменты своей политической карьеры он внезапно заболел. У него открывалась то подагра правой руки (чтобы не подписывать опасные бумаги), то ревматизм (чтобы не ходить во дворец), то мигрень (чтобы не отвечать на вопросы). Случалось, что у него начиналась рвота в ходе переговоров, когда хитрец хотел прервать разговор. Английский посланник Финч писал, что в этом случае нужно сидеть, не меняясь в лице, и ждать: «Знающие его предоставляют ему продолжать дрянную игру, доводимую подчас до крайностей, и ведут свою речь далее; граф же, видя, что выдворить собеседника не удастся, немедленно выздоравливает как ни в чем не бывало». В общем мольеровский «Мнимый больной» был явно воспринят Остерманом как методическое руководство!

Но это незамысловатое лицедейство отнюдь не свидетельствовало о наивности или, упаси боже, простодушии! Пусть прочие пребывают в заблуждении и считают его шутком, ведь того, кто держит соперника за кривляющегося глупца и считает, что видит насквозь его уловки, так легко обмануть. Остерман при всем своем «дилетантском актерстве» в делах дилетантом не был. И уж кто-кто, а Петр I это прекрасно понимал.

Коллегия иностранных дел. Дипломатия Остермана и «шпионские тайны». В декабре 1712 г. Петр I сделал первые предварительные распоряжения об учреждении коллегий, и в том числе Коллегии иностранных дел. В 1716 г. в Посольской канцелярии был установлен коллегиальный порядок решения дел. Дело в том, что в начале XVIII в. Посольская канцелярия не имела права рассматривать важнейшие политические дела, поскольку это право принадлежало Сенату. Члены Сената – «господа тайные советники» – обычно на своих заседаниях слушали изготовленные в Посольской канцелярии рескрипты русским представителям за границей. Тайные советники собирались иногда в присутствии царя в доме канцлера «на конференцию» о наиболее серьезных вопросах иностранной политики.

Окончательное устройство Коллегии иностранных дел завершилось в 1720 г. 13 февраля царь прислал канцлеру графу Головкину подписанное и скрепленное резолюцией «быть по сему» «Определение Коллегии иностранных дел». Это «Определение» преследовало две цели: установить личный состав Коллегии с распределением между ним подлежащих ее ведению дел и указать обязанности ее главных должностных лиц. На первом месте поставлены президент и вице-президент:

канцлер граф Головкин и вице-канцлер барон Шафиров. Далее в «Определении» рукой Петра I написано: «Когда важные дела, то призывать всех или несколько, по качеству дела, тайных советников действительных, и от всех надлежит быть совету на письме, и потом докладывать о решении».

После президента и вице-президента «Определение» касается канцелярии советников. На эту должность назначены были два лица: Андрей Остерман (со званием тайного канцелярии советника) и Василий Степанов. Обязанности их заключались в составлении наиболее важных грамот к иностранным государям, рескриптов к русским министрам за границей, деклараций и резолюций, в надзоре за исполнением дел, поручаемых секретарям. Секретари по «Определению» ведали отделами или, как их называли, «экспедициями» Коллегии.

Особый интерес представляет Первая экспедиция (в чьем ведении – иностранные дела на русском языке), секретари которой заведовали приемом и отправкой иностранных представителей в России и русских за границей, всей перепиской с последними. А это уже та сфера, где основной задачей было то, что сегодня называют «теорией защиты информации». Каждое государство стремится тщательно хранить свои секреты. Документы свидетельствуют, что в петровскую эпоху центром, где создавались шифры, где они вручались или откуда они рассылались корреспондентам, был вначале Посольский приказ, затем Посольская походная канцелярия, а в дальнейшем Первая экспедиция Коллегии иностранных дел.

Из документов следует, что Андрей Иванович Остерман был отцом-основателем русской криптографии и широкого введения шифровых систем в практику российской дипломатии и внешней политики. На этой ниве он трудился как в петровские времена, так и при его преемниках, фактически до конца своей жизни.

Петр I по сути был первым из российских государей, кто предельно ясно осознал важность шифрования депеш и развития шифровального дела для обеспечения безопасности государства. Секретная переписка в до- и раннепетровскую эпоху велась довольно хаотично, появлялись простые шифрованные тексты и шифры, так называемые «цифирные азбуки» или «ключи» к тайному письму. Наиболее полно шифрованная переписка петровской эпохи представлена в многотомном издании «Письма и бумаги императора Петра Великого» (1956 г.), под ред. А. Ф. и И. А. Бычковых. В ней приводится интересный блокнот с шифрами, которыми переписывался Петр I. Он представляет собой тетрадь, на каждой странице которой записано по одному шифру, всего их шесть. Известно, что в разработке этих шифров с немецкой педантичностью принимал активное участие Остерман как советник Коллегии иностранных дел.

Вся деятельность по изготовлению шифров проводилась под непосредственным руководством самого императора, канцлера, вице-канцлера и советника Остермана. На одном из шифров есть надпись: «Азбука цифирная, написанная и присланная по приказу его сиятельства графа Андрея Ивановича [Остермана] и отослана к его сиятельству на двор секретарем фон Келлерманом апреля 11 дня 1734 года».

В Коллегии иностранных дел существовал специальный штат, которому поручалось зашифровывать и расшифровывать переписку. Текст, подлежащий шифровке, переписывали надлежащим образом переводчики и секретари Коллегии иностранных дел. Они же производили расшифровку писем. При Остермане криптографы Коллегии иностранных дел работали как никогда. Научная мысль не стояла на месте, постоянно велись поиски новых видов шифров.

В 1723 г. Андрей Иванович стал сенатором и заменил Шафирова на посту второго лица в дипломатическом ведомстве. Петр назначает Остермана вице-президентом Коллегии иностранных дел, тем самым дав соответствующее его талантам поручение, которое Остерман выполняет в течение почти двух десятилетий с величайшим знанием дела, осмотрительностью, ловкостью и с великой страстью – руководство российской внешней политикой.

В 1724 г. Петр I поручил Остерману «дать приличнейшее образование Коллегии иностранных дел». Остерман много работает, придумывает целую систему реорганизации министерства иностранных дел. Он составил проект нового штата канцелярии и обновил регламент Коллегии. Его проект-записка, названная «К сочинению и определению канцелярии Коллегии иностранных дел предложение», – один из лучших составленных Остерманом документов и вообще один из лучших документов того времени, который изучался и использовался на протяжении всего XVIII века.

Начинался проект-записка с характеристики самой Коллегии: «Дела в Коллегии иностранных дел, или, просто сказать, в тайном совете суть наиважнейшие»; все эти дела исполняются служителями коллежской канцелярии, которая есть «вечный государственный архив и всем старинным и прошедшим в государстве делам, поступкам, поведением и взятым мерам вечное известие», отсюда следует, «что необходимо установить в ней [канцелярии] вечный и основательный порядок». По мнению Остермана, служители Коллегии должны быть «умными и в делах уже обученными, и вследствие малолюдства их принуждены будут работать день и ночь, то необходимо им учинить хороший порядок и честное и довольное пропитание». Вместе с тем служителей предлагалось освободить от постоев, так как они занимались секретными делами, ибо «излишняя компания дома к излишним разговорам часто ведет».

Но проекту реорганизации канцелярии Коллегии иностранных дел не суждено было сбыться. 28 января 1725 года Петр I умирает. Однако «Предложения» Остермана изучались и использовались при составлении штатов на протяжении всего XVIII столетия.

«Сильный при сильном». В чем же была сила Остермана как дипломата? Сохранившиеся документы позволяют хорошо понять его логику, его принципы. Основу русской политики Остерман видел в трезвом расчете, прагматизме, умении завязывать союзнические отношения только с теми державами, которые могут быть полезны России. Остерман тщательно, педантично, «по-бухгалтерски» анализировал, сопоставлял соотношение «польз», «опасностей», «генеральных интересов» России и ее возможных партнеров.

Петр I отдавал должное уму и прозорливости барона Остермана, отмечая, что «он лучше других министров знает истинную пользу Российского государства, и был для одного необходим».

А вот свидетельство генерала Манштейна, показывающее «осторожную премудрость» барона: «Он никогда не принимал ни малейшего подарка от иностранных дворов, не получив прежде на то позволения от своего двора. С другой стороны, имел чрезвычайную недоверчивость и простирает часто слишком далеко свои подозрения».

Дипломатические бумаги Остермана показывают его изощренный ум, умение учесть, взвесить все обстоятельства дела, предусмотреть все негативные последствия политических поступков.

Также любопытно и то, что он никогда не подписывался титулом барона и графа, а всегда просто: «Андрей Остерман». Как для руководителя внешней политики, для него было характерно развитое чувство равновесия, расчетливость и, главное, стремление оставить России поле для дипломатического маневра, а соответственно – для самостоятельной политики.

Своеобразным итогом размышлений над внешнеполитической доктриной Петра I является составленная Остерманом в 1726 году записка «Генеральное состояние дел и интересов Всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами», имевшая важные последствия для России. В ней были сформулированы новые принципы русской внешней политики с учетом реальных возможностей и интересов государства.

Основная деятельность Остермана в петровское время сосредотачивалась во внешнеполитической сфере, но не замыкалась на ней. Он принимал участие в становлении новых государственных учреждений (коллегий), в организации Академии наук. Он также считается основным автором петровской «Табели о рангах».

ПОСЛЕ СМЕРТИ ПЕТРА ПЕРВОГО. КУКЛОВОД СОБИРАЕТ НИТИ

Расцвет карьеры Остермана пришелся на время после смерти Петра I. Петр был человеком предельно рациональным, но рационализм не всегда полезная вещь в политике. Так Петр посчитал, что сын его предал. История о том, как сына Петра осудили, сама по себе довольно таинственна. Известно, что царевич Алексей умер, не дождавшись эшафота. Помогли ли ему умереть или нет, мы никогда не узнаем.

Но речь о другом. Петр решил, что раз сын «плохой», то государь, передавая престол, должен передать его в надежные руки. Какие? А какие сам посчитает нужным. Как следствие 5 февраля 1722 г. появляется закон о престолонаследии, который говорит, что царь может отдать престол любому человеку, не обязательно своему сыну. Легенда гласит: «Отдать все...» – только и успел написать перед смертью Петр I, а кому отдать – неизвестно. Сложилась очень сложная ситуация: все члены правящей династии имели право на престол. А раз так – неизбежна борьба. И началась в России лихорадочная череда заговоров, смена правителей – «веселое» время после смерти Петра I называют «эпохой дворцовых переворотов». «Редко самовластие наказывало себя так жестоко, как в лице Петра этим законом от 5 февраля», – написал знаменитый историк В. О. Ключевский.

Многие историки оценивали 1720–1750 гг. как время ослабления русского абсолютизма. Очень часто в литературе говорят о «ничтожности» преемников Петра I. По словам, например, Н. П. Ерошкина, автора учебника по истории государственных учреждений дореволюционной России, «преемниками Петра I оказались слабовольные и малообразованные люди, проявлявшие подчас больше заботы о личных удовольствиях, чем о делах государства». «Дело Петра эти люди не имели ни сил, ни охоты ни продолжать, ни разрушить; они могли его только портить», – писал об этом времени историк В. О. Ключевский.

Именно после смерти Петра I можно говорить об Остермане уже не просто как о советнике у трона, а о «сером кардинале» в полном смысле. Теперь было кем управлять.

Екатерина – Остерман – Меншиков. Pro и contra. После смерти Петра Великого, хотя и сделавшего возможным престолонаследие по женской линии, но не оставившего четкого завещания, позиции Остермана были уже достаточно прочны, и он, взвесив все «за» и «против», пошел в этой ситуации за наиболее влиятельной фигурой того времени – Меншиковым (и гвардией, которая вообще была главной действующей силой во всей эпохе дворцовых переворотов). А Меншиков держался за кандидатуру второй жены Петра I, Екатерины (будущей Екатерины I), которую считал для себя наиболее приемлемой.

Каковы же были предпосылки воцарения Екатерины Алексеевны? Почему именно на нее ставили «полудержавный властелин» и хитрый «вестфальский лис»?

Первая русская императрица сама была довольно загадочной личностью. Родилась она католичкой 5 апреля 1684 г. (хотя эта дата ставится многими историками под сомнение) и до принятия православия, по одним данным, ее имя было Марта, по другим – Елена, фамилия по некоторым источникам Скворощанко или Скворонская, по другим – Рабе. Происхождение Екатерины тоже точно неизвестно. Предположительно, она не принадлежала к знатному роду и была дочерью прибалтийского крестьянина – «дочь литвина Самуила Скворощанко и жены его, именуемой в разных известиях различно». Впрочем национальность ее четко установить трудно, разные версии называли ее литовкой, шведкой, полькой, украинкой. Родители Марты умерли от чумы в 1684 г., и она воспитывалась в доме лютеранского пастора Глюка (известного своим переводом Библии на латышский язык) в Мариенбурге (в настоящее время это город Алуксне в Латвии). Марта была в доме скорее служанкой, поэтому грамоте ее не учили. По версии, изложенной в словаре Брокгауза и Ефрона, мать Марты, овдовев, отдала дочь в услужение в семью пастора Глюка, где ее будто бы учили грамоте и рукоделию. Семейное ее положение до встречи с Петром I тоже было весьма неопределенным, была она то ли

вдовой, то ли неразведенной женой шведского солдата, якобы убитого во время сражения.

Ее захватили в плен русские в 1702 г. Пленницу взял сначала в прачки «Шереметьев благородный», потом ее у него выпросил «счастья баловень безродный», то бишь Меншиков, а у того ее отобрал Петр I, и в 1703 г. она стала его фавориткой.

При крещении в православие Марте было дано имя Екатерины Алексеевны. И все бы хорошо, если бы не одно «но»: ее крестный отец – сын Петра царевич Алексей (1690–1718), который был младше Марты на 6 лет и который стал крестным отцом собственной мачехи. Поэтому в глазах православных россиян ситуация с женитьбой царя выглядела крайне неестественно. Получилось, что Петр I женился на своей внучке (отчество Екатерины – Алексеевна – дано по крестному отцу), а Екатерина стала мачехой своего отца (пусть даже и крестного).

Но как бы там ни было, в ноябре 1707 г. она была тайно обвенчана с Петром в петербургской Троицкой церкви. В феврале 1708 г. родила царю дочь Анну (впоследствии герцогиню Голштинскую), в декабре 1709 г. Елизавету (впоследствии императрица и самодержица всероссийская). Всего Екатерина Алексеевна родила мужу 11 детей, но большинство из них умерло в детстве, кроме Анны и Елизаветы. Маленький Петр Петрович считался официальным наследным принцем, законным преемником великого отца на троне, но его ранняя смерть нарушила прямую передачу короны от отца к сыну и явилась одним из побудительных мотивов знаменитого Указа о престолонаследии.

6 марта 1711 г. было «всенародно объявлено всем о государыне царице Екатерине Алексеевне, что она есть истинная и законная государыня». 19 февраля 1712 г. Петр I торжественно еще раз обвенчался с Екатериной в петербургском Исаакиевском соборе, и их дочери получили официальный статус цесаревен. А 7 мая 1724 г. Петр I короновал свою любимую жену в главном храме России – Успенском соборе Московского кремля. Французский посол Ж.-Ж. Кампредон сообщал в Париж: «Весьма и особенно примечательно то, что над царицей совершен был, против обыкновения, обряд помазания так, что этим она признана правительницей и государыней после смерти царя, своего супруга». Примечательно, что все русские царицы (кроме Марины Мнишек) титуловались царицами по мужу. А Петр I короновал Екатерину как самостоятельную императрицу, лично возложив на нее корону.

За два года до коронации Екатерины происходит знаменательное событие – то самое издание знаменитого указа Петра о престолонаследии, где он из-за смерти сына Петра и измены царевича Алексея отменяет устоявшийся порядок наследования от отца к сыну, и устанавливает новый: отныне все решает воля монарха, кого он посчитает нужным, того и назначит. Но Екатерина сама подложила мину под свое будущее императорство.

Жена цезаря и подозрения. В силу своего низкого происхождения Екатерина I была неграмотной, неученой и неспособной управлять великой империей. Однако императрицу любили за веселый и ласковый характер, за доброту и заступничество. Не раз она спасала светлейшего князя Меншикова от страшного гнева Петра. Только она и была способна успокоить разгневанного, разбушевавшегося Петра, что случалось довольно часто. Между супругами царил исключительное взаимопонимание и гармония, если бы не «Монсова история», омрачившая (да еще как!) последние дни императора...

Дело связано было с его «сердешенькой» Катериночкой. Девятого ноября последовал неожиданный арест тридцатилетнего Вилима Монса, брата бывшей фаворитки царя Анны Монс – Монсихи, как ее называли недоброжелатели, молодого и щеголеватого камергера Екатерины. Берхгольц, как и многие другие, был удивлен таким поворотом событий: «Это арестование тем более поразило всех своею неожиданностью, что он еще накануне вечером ужинал при дворе и долго имел честь разговаривать с императором, не подозревал и тени какой-нибудь немилости».

Вот как описывает «Монсову историю» Соловьев: «Коронация Екатерины совершилась в Москве с великим торжеством 7 мая 1724 года. Но через полгода Екатерина испытала страшную неприятность: был схвачен и казнен любимец и правитель

ее Вотчинной канцелярии камергер Монс, брат известной Анны Монс. Вышний суд 14 ноября 1724 года приговорил Монса к смерти за следующие вины: 1) взял у царевны Прасковьи Ивановны село Оршу с деревнями в ведение Вотчинной канцелярии императрицы и оброк брал себе. 2) Для отказа той деревни посылал бывшего прокурора воронежского надворного суда Кутузова и потом его же отправил в вотчины нижегородские императрицы для розыску, не требуя его из Сената. 3) Взял с крестьянина села Тонинского Соленикова 400 рублей за то, что сделал его стремянным конюхом в деревне ее величества. Вместе с Монсом попались сестра его, Матрена Балк, которую били кнутом и сослали в Тобольск; секретарь Монса Столетов, который после кнута сослан в Рогервик в каторжную работу на 10 лет; известный шут камер-лакей Иван Балакирев, которого били батогами и сослали в Рогервик на три года. Балакиреву читали такой приговор: “Понеже ты, отбывая от службы и от инженерного учения, принял на себя шутовство и чрез то Вилимом Монсом добился ко двору его императорского величества, и в ту бытность при дворе во взятках служил Вилиму Монсу и Егору Столетову”».

Описание очень детальное, сухое и сдержанное. Из него выходит, что был казнен некий придворный взяточник Монс. Причем вина этого Монса явно не заслуживает смертной казни, хватило бы и тюрьмы. Да и никого из подельников Монса не казнили. Но у Соловьева есть одно слово, которое намекает на действительную причину казни Монса – *любимец* жены Петра. Но если заменить слово «любимец» словом «любовник», открывается настоящая причина казни. Об этом можно узнать в других исторических свидетельствах, а они гласят, что Петр I незадолго до кончины заподозрил в неверности свою жену Екатерину, в которой до этого души не чаял и которой намеревался в случае своей смерти передать престол. Когда Петр I собрал достаточные, на его взгляд, улики о неверности жены, он приказал казнить Монса. А чтобы не выставлять себя в смешном и унижительном положении «рогоносца» перед иностранными дворами и собственными подданными, вменил в вину Монсу экономические преступления, которые при желании нетрудно было отыскать почти у каждого чиновника тех времен (да и не только тех).

Имя Екатерины в связи с арестом, следствием и казнью, естественно, не упоминалось – жена Цезаря вне подозрений! Она сохраняла спокойствие и невозмутимость, но пыталась, правда, как делала довольно часто, ходатайствовать перед Петром I за арестованного. Император в припадке гнева разбил зеркало, очень красивое и дорогое, бросив многозначительную фразу:

– Вот прекраснейшее украшение моего дворца. Хочу и уничтожу его!

Екатерина сдержанно, как всегда в таких случаях, ответила:

– Разве от этого твой дворец стал лучше?

Однако намек, более чем прозрачный, поняла, знала крутой нрав супруга. Беспрекословно поехала с ним, по его приказанию, поглядеть на отрубленную голову своего фаворита. Инцидент был исчерпан, но доверие к Екатерине у Петра было основательно подорвано. И скорее всего, от планов передать престол императрице Петр отказался.

События, связанные с казнью Монса и утратой Екатериной доверия Петра произошли всего за два месяца до смерти царя. В бумагах Монса нашли также факты, компрометирующие ближайших соратников Петра. В Петербурге ждали новых казней. Назывались имена Меншикова (которого Петр отдал от себя и снял с поста руководителя военного ведомства), царского кабинет-секретаря Макарова и других сподвижников.

А вот имени Остермана не называли. Даже наоборот – именно в эти дни к Андрею Ивановичу особенно благоволил царь – Петр помногу говорил с ним и советовался как поступить с неверной дальше. Говорили, что Петр I собирается обойтись с Екатериной так же, как английский король Генрих VIII с Анной Болейн. Царедворец Остерман потом ставил себе в заслугу то, что именно он уговорил Петра не рубить голову супруге.

Аргумент был таков – после этого ни один порядочный европейский принц не возьмет замуж дочерей Екатерины. А в планах царя сближение с Европой было на первом месте.

Но и при таком – самом удачном – исходе уделом Екатерины в ближайшее время оставался монастырь с тюремными условиями заключения. Здесь показателен пример первой супруги Петра – Евдокии Лопухиной. Когда царь начал «от живой жены» роман с Анной Монс, Евдокия устроила сцену ревности и отлучила царя от ложа. Петру только это и надо было – он быстренько развелся с царицей и заточил ее в монастырь. Так что после открытия факта ее измены, и зная вспыльчивый нрав Петра, Екатерина должна была ждать не самой радужной для себя будущности.

Претенденты. Когда стала очевидной неверность Екатерины, взгляд императора должен был неизбежно обратиться в сторону внука – Петра Алексеевича, как единственно возможного наследника престола, хотя Петр I и издал знаменитый указ о престолонаследии (после казни в 1718 г. мятежного наследника престола Алексея), который начинается так: «Понеже всем ведомо есть, какую авессаломскою злостию надмен был сын наш Алексей...» Исходя из этой самой «авессаломской злости» своего сына, Петр фактически отменил права на престол сына Алексея и своего внука – Петра. Таким образом отменялся старый, освещенный традицией порядок передачи царской власти от отца к старшему сыну, а в случае смерти старшего сына – к внуку (если отсутствовал внук, престол переходил к младшему сыну и т. д.). Теперь престол мог достаться Петру Алексеевичу только в том случае, если он сумеет понравиться своему дедушке. И хотя в глазах всей страны он был единственным легитимным наследником, в церквях царскую фамилию поминали так: «Благочестивейшего государя нашего Петра Великого, императора и самодержца всероссийского, благочестивейшую великую государыню нашу императрицу Екатерину Алексеевну. И благоверные государыни цесаревны. Благоверную царицу и великую княгиню Параскеву Феодоровну. И благоверного великого князя Петра Алексеевича. И благоверные царевны великия княжны». То есть Петр Алексеевич стоял ниже своих теток-царевен.

Но времена идут, царский гнев утихает, тем более что история измены Алексея давняя, а у императора появился новый повод, чтобы гневаться на изменника, точнее изменницу. Значит, Екатерину после того, что случилось, своей наследницей он назначить не мог. Во-первых, Петр был очень ревнив и не прощал измен. Во-вторых, в соответствии с традиционными монархическими представлениями измена жены монарха приравнивалась к государственной измене. В-третьих, в бумагах Монса нашли много документов, которые вскрывали огромные злоупотребления царицы и ее приближенных, то есть запахло не только амурной, но и прямой государственной изменой.

Дочери Анне престол передать Петр не мог потому, что она была обручена с голштинским герцогом, и к тому же Анна официально отказалась от права на российский трон. Другую дочь – Елизавету – Петр воспринимал как особу легкомысленную и к правлению не готовую. К тому же ее планировали выдать замуж за короля Франции Людовика XV, да и не могла младшая дочь стать в шестнадцать лет императрицей, обойдя свою мать и старшую сестру. Это сильно осложнило бы ей правление, и реальную власть захватил бы все тот же Меншиков, которого Петр от власти «отодвинул». Также нельзя было забывать, что обе дочери считались в глазах народа незаконнорожденными (официальное венчание родителей произошло уже после их рождения), да к тому же немками и не имели священного права на трон. И самое главное – они были очень близки к Екатерине, и измена матери резко уронила и их престиж в глазах отца.

Итак, оставался единственный претендент. Тот самый, который через несколько лет станет Петром II. В пользу такого решения было несколько моментов. Во-первых, десятилетний мальчик еще ничего не сделал, чтобы заслужить неприязнь деда. Да, он был сыном изменника Алексея, но рана, нанесенная Алексеем Петру Великому, уже успела зарубцеваться, к тому же Петр-внук не знал ни отца, ни матери, он рос сиротой, и в этом было его преимущество перед цесаревнами. Во-вторых, Петр-младший вырос в новой

России, его с детства окружали сподвижники деда, и тот мог видеть во внуке продолжателя своего дела и продолжателя уж точно ничем не худшего, чем Екатерина и принцессы. В-третьих, вся Россия считала мальчика естественным и законным наследником престола.

Современники указывают, что Петр Великий все время колебался в отношении внука и время от времени выказывал ему расположение. Естественно, в 1724 г. колебания должны были закончиться, и Петр скорее всего остановился на кандидатуре внука в качестве наследника.

Но Петр-внук жил отдельно от деда, у него было свое окружение, поэтому люди из окружения Петра Великого могли опасаться, что с приходом к власти Петра II и возвращением к активной деятельности первой жены Петра Великого Евдокии, они потеряют свое влияние. А некоторые из них (участники убийства царевича Алексея – отца наследника и сына Евдокии) опасались лишиться жизни. Поэтому противников Петра II в окружении Петра I было более чем достаточно.

После смерти Петра I отсутствие завещания создавало драматическую ситуацию, судьба императорского престола должна была решиться в столкновении придворных «партий» – группировок знати, высшего чиновничества и генералов.

Президент Тайного совета и министр герцога Карла Фридриха Голштейн-Готторпского (1700–1739) – мужа дочери Петра Великого Анны (и фактически основателя династии, которая правила Россией до 1917 г.) – граф Г. Ф. Бассевич (лицо крайне заинтересованное в возведении на освободившийся русский престол тещи герцога Екатерины или жены герцога Анны) в своих дневниках оставил записки, в которых указывал в том числе и на то, что рука Петра I заостенела, когда он хотел написать имя своего преемника, а голос онемел, когда он хотел сказать это имя своей дочери Анне Петровне, жене упомянутого герцога. Записки Бассевича служили одним из главных источников по вопросу о смерти Петра Великого для последующих историков. Так же излагает события и «официальный» историк государства Российского Соловьев.

Чье имя могло быть поставлено после слов «Отдайте все...»? Бассевич пишет, что кроме слов «отдайте все...» были и другие, но их не смогли разобрать. Безусловно, не «смогли разобрать» имя «Петр Алексеевич», будь там имя Екатерины или Анны, герцогини Голштинской, разобрали бы без труда, и не пришлось бы им тогда прибегать к столь экстраординарным мерам, как государственный переворот.

Екатерина находилась при Петре безотлучно, и она же закрыла ему глаза после смерти. Продиктовать Екатерине Петр ничего не мог при всем желании – есть все основания полагать, что писать она толком так и не научилась. Но если бы его последняя воля была выражена в пользу Екатерины, не потребовалось бы чертить слабеющей рукой ее имя или звать Анну. Указ бы написали, подписали и огласили без промедления. Есть, конечно, небольшая вероятность того, что Петр все же решил передать трон Анне, но ее имя тоже не нужно было скрывать. Правление Анны ничем плохим Екатерине и Меншикову не грозило. Екатерина в любом случае оставалась бы вдовствующей императрицей, а Меншиков, имея под рукой гвардию, стал бы реально править от имени обеих государынь. Но Петр не стал бы передавать престол жене чужеземного герцога, ведь отречься Анну он заставил, когда уже знал о деле Монса. С чего бы это ему вдруг передумать? А вот внука своего Петра Алексеевича от престола отдалил, когда еще не знал о «Монсовой истории», то есть надеялся на Екатерину как на достойную преемницу.

Но почему же тогда не было изготовлено фальшивое завещание Петра в пользу Екатерины? Вряд ли в окружении Меншикова не было ни одного умельца подделывать почерк, или заинтересованные лица были отягощены высокими моральными принципами. Но в тех условиях, когда все знали о разрыве императора с женой, такой бумаге никто бы не поверил, могли бы обвинить в подлоге – да и не нужна была такая бумага после того, как царь официально короновал Екатерину как императрицу. Главное – не допустить появления другого указа. Царская власть имела такой характер, что самодержец мог

одним росчерком пера отменить все законы империи, в том числе и свои прошлые указы. А имя Петра Алексеевича противоречило воле самой многочисленной, влиятельной и, что важно, ближайшей Петру I группировки, к которой принадлежал и Остерман.

Различные исторические источники смутно намекают на наличие какого-то таинственного документа, они говорят, что Петр писал что-то, а что – не ясно. К тому же по сей день жива легенда о некоем сокрытом завещании Петра I. Таким документом мог быть только акт о передаче власти Петру II. Любой иной сокрытию бы не подлежал.

Итак, если остановиться на том, что завещание Петра I было не написано или уничтожено, т. е. так или иначе – не оглашено, то претендентов на трон после смерти Петра I оставалось трое:

Екатерина Алексеевна, ее младшая дочь Елизавета Петровна и внук Петра I, сын царевича Алексея, 10-летний Петр Алексеевич. Старшая дочь Петра Анна в 1724 г. под присягой отказалась от русского престола за себя и свое потомство. Но по иронии судьбы случилось так, что именно ее потомки и занимали русский престол до самого конца династии. Несмотря на то, что Анна, обручившись с герцогом Голштинским, отреклась от престола для себя и своего потомства, именно ее потомство закрепилось на российском троне. Акт отречения нужен был Петру I для того, чтобы иноземный герцог не стал править Россией. Петр I понимал, что герцогу Россия нужна лишь для решения проблем своей маленькой Голштинии. Но несмотря на этот акт, была попытка передать российский престол Анне и герцогу после смерти Екатерины I¹.

Решить вопрос, кто займет место на престоле, должно было ближайшее окружение императора, высшее чиновничество и высшие военные чины.

Права великого князя Петра Алексеевича, внука Петра I, сына царевича Алексея (будущего Петра II) отстаивали представители родовой аристократии (в первую очередь, князья Голицыны и Долгорукие), считавшие его единственным законным наследником, рожденным от достойного царской крови брака. Народное большинство также было за единственного мужского представителя династии (только раскольники не признавали его потомком царя, так как он родился от брака с иностранкой).

Однако «новая» служивая знать, «птенцы гнезда Петрова» во главе с самым влиятельным лицом петровской эпохи А. Д. Меншиковым и вступившим в союз с Меншиковым дипломатом и сподвижником Петра I Андреем Ивановичем Остерманом, желала воцарения Екатерины. За нее также были граф Толстой, генерал-прокурор Ягужинский, канцлер граф Головкин и многие другие, ибо они не могли надеяться на сохранение полученной от Петра I власти при Петре Алексеевиче. К тому же на их стороне выступала гвардия, которая была предана до обожания императору; эту привязанность она переносила и на императрицу Екатерину I.

Но в противовес альянсу Меншикова – Остермана в России существовала еще одна – третья – группировка, которая сплотилась вокруг герцога Голштинского, мужа старшей цесаревны Анны Петровны. Герцог Голштинский также пытался повлиять на исход событий, хотя по брачному контракту 1724 г. эта чета лишалась права наследования российского престола. Однако даже введение в состав Верховного тайного совета не помогло герцогу сколько-нибудь повлиять на события (он не говорил по-русски и вообще имел весьма слабое представление о жизни в России).

В результате именно Екатерина I стала российской императрицей. Ключевский

¹ Цену подобных актов можно видеть на примере самой Анны Петровны. Екатерина I, умирая, завещала престол Петру II, но указала, что если тот умрет бездетным – престол должен перейти к Анне либо ее наследникам. Петр II умер бездетным и акт Екатерины I не отменял, однако члены Верховного тайного совета нарушили волю императрицы и самочинно пригласили на трон другую Анну – Иоанновну – дочь брата Петра I. А наследник Анны Петровны (она умерла сразу же после его рождения, еще до смерти Петра II) стал императором Петром III в 1761 г. только благодаря перевороту 1741 г., когда сестра Анны – Елизавета – захватила власть.

суммирует сведения первоисточников: «28 января 1725 года, когда преобразователь умирал, не оставив последней воли, собрались члены Сената, чтобы обсудить вопрос о преемнике. Правительственный класс разделился; старая знать, во главе которой стояли князя Голицыны, Репнин, высказывалась за малолетнего внука преобразователя – Петра II. Новые неродовитые дельцы, ближайшие сотрудники преобразователя, члены комиссии, осудившей на смерть отца этого наследника, царевича Алексея, с князем Меншиковым во главе, стояли за императрицу-вдову.

Пока сенаторы совещались во дворце по вопросу о престолонаследии, в углу залы совещаний как-то появились офицеры гвардии, неизвестно кем сюда призванные. Они не принимали прямого участия в прениях сенаторов, но, подобно хору в античной драме, с резкой откровенностью высказывали об них свое суждение, грозя разбить головы старым боярам, которые будут противиться воцарению Екатерины. Вдруг под окнами дворца раздался барабанный бой. Оказалось, что там стояли два гвардейских полка под ружьем, призванные своими командирами – князем Меншиковым и Бутурлиным. Президент Военной коллегии (военный министр) фельдмаршал князь Репнин с сердцем спросил: «Кто смел без моего ведома привести полки? Разве я не фельдмаршал?» Бутурлин возразил, что полки призвал он по воле императрицы, которой все подданные обязаны повиноваться, «не исключая и тебя», – добавил он».

Это появление гвардии и решило вопрос в пользу императрицы, благодаря «силовой» поддержке удалось убедить всех противников Екатерины отдать ей свой голос. Сенат «единодушно» возвел ее на престол, назвав «всепресветлейшей, державнейшей великой государыней императрицей Екатериной Алексеевной, самодержицей всероссийской» и в оправдание объявив об истолкованной Сенатом воле покойного государя. Народ был очень удивлен восшествием в первый раз в российской истории на престол женщины, однако волнений не было.

Итак, Остерману удастся вместе с Меншиковым добиться, вопреки интересам старого боярства, выбора Екатерины царицей. И 28 января (8 февраля) 1725 г. Екатерина I взойшла на престол Российской империи благодаря поддержке гвардии и вельмож, возвысившихся при Петре Великом.

Остерман становится важной опорой этого далеко не бесспорного правления, но чувствует перманентную угрозу своему политическому развитию из-за притязаний на власть со стороны Меншикова, поднявшегося из низов и ставшего самым богатым и могущественным человеком в России. Забегая вперед, скажем, что лишить этого политического противника власти и выслать его Остерман таки смог – на этот раз сыграв вместе с теми, «против кого дружил» в избрании Екатерины – боярством во главе с князьями Голицыным и Долгоруким, но свержение Меншикова произошло только после смерти царицы, при Петре II.

Итак, со смертью Петра I в России начался нескончаемый передел власти, продолжавшийся почти весь XVIII в. По словам Ключевского, «все наиболее влиятельные люди, в руках которых очутились судьбы России... начали дурачиться над Россией тотчас по смерти преобразователя». Генерал-прокурор Ягужинский у гроба императора громко жаловался на своего обидчика князя Меншикова. Сама Екатерина всего через несколько недель после похорон вдруг устроила в Петербурге громкий салют – подшутила над столицей в честь 1 апреля. А барон Остерман сцепился с тем же Меншиковым в придворной интриге, по-всячески обзывая друг друга. Меншиков пригрозил барону Сибирью, а тот, разгорячившись, ответил, что сослать его князю не под силу, а вот он вполне доведет его до четвертования, чего он, князь, вполне и заслуживает...

Но за ссорами и интригами Остерман все же не забывал и о деле. Да и не выходил он осмотнительно на первый план, он всегда где-то за кулисами, и так будет всегда. Когда обостряется политическая борьба, его никогда не видно, он за ширмой, держит в руках все тайные нити.

Императрица Екатерина I государством управлять не может, во-первых, потому что

она неграмотная, а во-вторых, потому что с 5–6 часов вечера она, как говорится «в некондиции», т. е. не совсем трезва. Но государством управлять кто-то все-таки должен.

Для этой цели создается Верховный тайный совет (т. е. правительство), который был учрежден в 1726 г. по предложению П. А. Толстого, и стал высшим учреждением в государстве. Совет получил право назначать высших чиновников, ведать финансами. Совету подчинялись Военная, Адмиралтейская коллегии, коллегия Иностранных дел и даже Сенат, который стал именоваться «Высоким» (а не «Правительствующим»). Роль Сената резко упала.

Членами Верховного тайного совета были назначены генерал-фельдмаршал светлейший князь Меншиков, генерал-адмирал граф Апраксин, государственный канцлер граф Головкин, граф Толстой, князь Димитрий Голицын и барон Остерман. Через месяц в число членов Совета включен был и зять императрицы, герцог Голштинский, на радение которого, как официально заявлено императрицей, «мы вполне положиться можем». Таким образом, Верховный тайный совет первоначально был составлен почти исключительно из «птенцов гнезда Петрова». Но уже совсем скоро, еще при недолгом правлении Екатерины I один из верховников, граф Толстой, был вытеснен Меншиковым, а при Петре II сам Меншиков очутился в ссылке, граф Апраксин умер, герцог Голштинский давно перестал бывать в Совете. И из первоначальных членов Совета остались трое – Голицын, Головкин и ... Остерман. Но, все это будет позже, а пока вернемся во времена Екатерины I, в которые барон Остерман все более сосредотачивает в своих руках власть.

Внешняя политика. В 1725 г. Остерман становится вице-канцлером, тем самым получая официальную должность по руководству Коллегией иностранных дел, должность, которую он де-факто занимает уже на протяжении двух лет.

Превратившись в одну из ключевых фигур российской внешней политики, Остерман, по отзывам современников, трудился денно и ночно, в будни и праздники, отличаясь фантастической работоспособностью. Его, кажется, и интересовали-то на свете лишь две вещи: работа и власть. Причем, власть он понимал не как власть публичную, а как власть тайную – незаметное снаружи, но эффективное влияние. Власть интриги, несравненным мастером которой он являлся.

Это благодаря его усилиям Россия в 1726 г. заключила союзный договор с Австрией, согласно которому в жизнь была проведена идея Остермана – расчленение Польши, укрощение Пруссии и изгнание турок из Европы. Хотя все это осуществится уже позже, в ином столетии. Он оказывал непосредственное влияние на формирование внешней политики России, сформулировав внешнеполитическую программу России и высказав ее в 1727 г. в письмах Куракину и Головкину.

«Мнения не в указ» (какое стилистически точное название для документа, составленного вершителем теневой политики!), написанные Остерманом, получили значение правительственной резолюции. На основании его записок были составлены рескрипты и инструкции российским дипломатическим представителям за границей. Внешнеполитическая система Остермана была изложена им в мемориях «Генеральное состояние дел и интересов Всероссийских со всеми соседними и другими иностранными государствами в 1726 году» и в «Рассуждении о персидских делах», где проводилась мысль в пользу союза России со Священной Римской империей, но против союза с Францией, высказывались рекомендации к продолжению прежней политики на Балтике, а также к более сбалансированной политике России в восточном направлении.

Основные принципы программы Остермана были таковы: избегать любых военных столкновений; «освободиться добрым порядком» от имевшихся обязательств в отношении голштинского и мекленбургского дворов, а добившись этого, «возобновить прежнее согласие с дацким»; восстановить прежние дружеские отношения с Англией; короля прусского содержать на своей стороне, ибо, «хотя и вспоможения великого от него ожидать невозможно, однако ж для других соседей сгодится»; с Австрией «оставаться в

союзе для решения турецких и иранских дел, а с другими соседями искать дружбу и союз».

Это была дальновидная программа постепенного сближения с Англией и Данией, дальнейшего укрепления русско-австрийского союза. Ее реализация позволила бы России укрепить свои позиции на Балтике и в целом в Европе, а также приступить к решению восточных проблем.

Екатерина награждает его в 1727 г. высшим российским орденом св. Андрея Первозванного и поручает как обергофмейстеру воспитание великого князя Петра Алексеевича (1715–1730) – внука Петра I, сына царевича Алексея Петровича и принцессы Шарлотты Софии Христины Брауншвейг-Вольфенбюттельской, будущего царя Петра II.

Остерман и увлекательная игра «выбери наследника трона». Вопрос о наследнике престола продолжал висеть дамокловым мечом над монархией. Екатерина I медлила точно обозначить свои намерения и закрепить их указом. В придворных кругах тоже наблюдалось несогласие. Одни стояли за возведение на престол внука Петра I, сына царевича Алексея – Петра II, другие ратовали за Елизавету, дочь императора от второго брака.

Хитроумный выход для примирения интересов родовитой и новой служивой знати предложил опять же Остерман: женить двенадцатилетнего Петра II на его же тетке, семнадцатилетней цесаревне Елизавете Петровне, дочери Екатерины. При этом он ссылаясь на библейские соображения о первоначальном размножении рода человеческого.

Во избежание возможного в будущем развода Остерман предлагал при заключении брака строже определить порядок престолонаследия. Несмотря на то, что противниками этого брака были Меншиков и сама церковь (не допуская брака тетки с племянником), он вполне мог бы осуществиться. Под влиянием Остермана Петр влюбился в свою прекрасную тетку, и от нее зависело направить это весьма горячее чувство к цели, указанной честолюбию будущей императрицы тонким немецким политиком. Но в 17 лет это честолюбие еще недостаточно окрепло. Елизавета в жизни Петра II имела гораздо большее значение, чем он в ее. Петр был еще ребенком – ему шел тринадцатый год, и в глазах гораздо более зрелой Елизаветы, он едва ли мог казаться привлекательным. Тем не менее в 1727 г. дружба их была очень тесной. Не обольщая своего племянника, Елизавета оторвала его от серьезных занятий и учебников. Будучи бесстрашной наездницей и неутомимой охотницей, она увлекала его с собой на далекие прогулки верхом и на охоту. Но первую любовь она познала не с ним. В том же году она серьезно увлеклась Александром Бутурлиным. Свидания с императором стали после этого нерегулярными, и вскоре их пути разошлись.

Екатерина, желая назначить наследницей дочь Елизавету (по другим источникам – Анну), не решилась принять проект Остермана и продолжала настаивать на своем праве назначить себе преемника, надеясь, что со временем вопрос разрешится.

Партия во главе с Толстым, которая более всего содействовала возведению на престол Екатерины, могла надеяться, что Екатерина проживет еще долго и обстоятельства могут измениться в их пользу. Остерман грозил восстаниями народа за Петра как единственного законного наследника. Ему отвечали, что войско на стороне Екатерины, что оно будет и на стороне ее дочерей. Екатерина, со своей стороны, старалась поддерживать эти симпатии войска.

Тем временем главный сторонник Екатерины Меншиков был очень озабочен будущим. Что будет с ним, если после смерти Екатерины на престол вступит великий князь Петр, дорогу которому к престолу в 1725 г. преградил именно он, Меншиков? Оценив перспективу царевича Петра Алексеевича стать российским императором, Меншиков начал опекать следующего претендента на императорскую корону. Князю стало ясно, что не нужно бороться с судьбой – пусть Петр II будет на престоле деда. Но нужно сделать так, чтобы он попал туда при содействии Меншикова, будучи уже его

зятем или, по крайней мере, женихом одной из его дочерей. У князя Меншикова было две дочери, Александра и Мария. Младшая – Мария, была помолвлена с польским аристократом Петром Сапегой. Но императрица Екатерина как-то высмотрела в толпе придворных миловидного Сапегу и благосклонно ему кивнула. Этого было достаточно, чтобы Меншиков вступил в торг: в обмен на свободу помолвленного с Марией Сапеге он просил дать дочери замену – разрешить помолвить ее с двенадцатилетним великим князем Петром. Именно о таком гешефте и писал осведомленный датский посланник Вестфален: «Государыня прямо отняла Сапегу у князя и сделала его своим фаворитом. Это дало Меншикову право заговорить с государыней о другой приличной паре для своей дочери – с молодым царевичем. Царица была во многом обязана Меншикову – он был старым другом ее сердца. Это он представил ее – простую служанку – Петру, затем немало содействовал решению государя признать ее супругой». Екатерина не могла отказать «старому другу»!

Хитрый план Меншикова очень не понравился ветеранам переворота 28 января 1725 г. Светлейший князь, добиваясь брака своей дочери с Петром, которого он одновременно делал и наследником престола, бросал на произвол судьбы тех, кто в 1725 г. помог ему возвести на престол Екатерину. Особенно обеспокоился граф Толстой. В руках начальника Тайной канцелярии были многие потайные нити власти, и вот одна из них задергалась и натянулась – Толстой почувствовал опасность: приход к власти Петра II означал бы конец для него, виновного в смерти отца будущего монарха (Толстой был впрямую причастен к гибели царевича Алексея). Тревожились за свое будущее и прочие сановники: генерал Иван Бутурлин, приведший в ночь смерти Петра ко дворцу гвардейцев, генерал-полицмейстер Антон Девиер и другие. Они ясно видели, что Меншиков перебегает во враждебный лагерь сторонников великого князя Петра и тем самым предает их. Толстой и дочери Екатерины, Анна и Елизавета, умоляли императрицу не слушать Меншикова, оформить завещание в пользу Елизаветы, но императрица, увлеченная Сапегой, была непреклонна. Да и сам Меншиков не сидел сложа руки. Он действовал, и притом очень решительно. Как-то в разговоре с Кампредоном он сказал о Толстом: «Петр Андреевич Толстой во всех отношениях человек очень ловкий, во всяком случае, имея дело с ним, не мешает держать добрый камень в кармане, чтобы разбить ему зубы, если бы он вздумал кусаться».

И вот настал час, когда Меншиков достал «из широких штанин», точнее скроенных по последней моде панталон свой камень – доклад императрице о раскрытом заговоре. Толстой, Девиер, Бутурлин и другие недовольные его поступками были арестованы, их обвинили в подготовке мятежа против императрицы. Меншиков отчаянно спешил: «заговорщики» были допрошены 26 апреля 1727 г., а уже 6 мая Меншиков доложил Екатерине об успешном раскрытии «заговора». Меншикову удалось воспользоваться болезнью императрицы, и она, по его требованию, подписала 6 мая 1727 г., за несколько часов до кончины, обвинительный указ против врагов Меншикова. И в тот же день граф Толстой и другие высокопоставленные враги Меншикова были отправлены в ссылку.

Это происходило всего за несколько часов до смерти императрицы. Меншиков торжествовал. Но тогда, в мае 1727 г., он не знал, что это была пиррова победа, что судьба Толстого вскоре станет его, Меншикова, судьбой, и оба они умрут в один год – 1729-й: Толстой в каземате Соловецкого монастыря, а Меншиков – в глухом сибирском городке Березове.

ПРИ ПЕТРЕ ВТОРОМ. НАСТАВНИК И ПОЛИТИЧЕСКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ

Завещание Екатерины I, по свидетельству историков, было публично подписано за императрицу ее старшей дочерью Анной. Однако В. А. Нащокин в своих «Записках» указывает: «... а о принятии всероссийского престола подписанною духовную ее величество собственною рукою утвердить изволила вселюбезнейшему внуку, государю великому князю, о чем 7 дня мая от его императорского величества выданным манифестом в народ опубликовано». Трон был передан двенадцатилетнему царевичу Петру Алексеевичу, вошедшему в историю под именем императора Петра II. Этому назначению требовали члены Верховного тайного совета, Синода, президенты коллегий, гвардейцы. Последующие статьи относились к опеке над несовершеннолетним императором; определяли власть Верховного тайного совета и порядок наследия престола в случае кончины Петра II Алексеевича. Согласно завещанию, в случае бездетной кончины Петра его преемницей становилась Анна Петровна и ее потомки («десценденты»), затем ее младшая сестра Елизавета Петровна и её потомки и лишь затем родная сестра Петра II Наталья Алексеевна. При этом те претенденты на престол, которые были бы не православного вероисповедания или уже царствовали за рубежом, из порядка наследования исключались. Именно на завещание Екатерины I 14 лет спустя ссылалась Елизавета Петровна в манифесте, излагавшим ее права на престол после дворцового переворота 1741 г. Позже императрица Анна Иоанновна приказала канцлеру Головкину сжечь духовную Екатерины I. Он исполнил приказание, но сохранил копию завещания.

Шестого мая 1727 г. в девять часов вечера Екатерина I умерла. Правление Екатерины I – волшебная сказка о Золушке из Лифляндии – закончилось.

Гольштейнский заговор. В противовес альянсу Меншикова – Остермана существовали и другие группировки, стоявшие за идею коронации одной из цесаревен. Группа, которая сплотилась вокруг герцога Голштинского, мужа Анны Петровны, старшей цесаревны, который также пытался повлиять на исход событий (хотя, как уже упоминалось, по брачному контракту 1724 г. они лишались права наследования российского престола) сделала неудачную попытку заговора против Меншикова – Остермана, и, в конечном счете, против воцарения малолетнего Петра (кстати, антирусский акцент в наименовании этой группировки не совсем верен – в этом заговоре приняли участие не только голштинские немцы, но и вполне русские вельможи, в частности и генерал Бутурлин). Однако переворот не удался. Голштинский герцог постарался договориться с Меншиковым через своего министра Бассевича. Со стороны Меншикова переговоры вел Остерман.

Герцогу было поставлено условие, что если дочери Петра I, Анна и Елизавета, не станут препятствовать вступлению на престол Петра Алексеевича, то Меншиков соглашался выдать каждой цесаревне по миллиону рублей. Герцог и Анна Петровна были высланы в Гольштейн, где в г. Киль она скончалась, произведя на свет сына Карла Петера Ульриха (впоследствии императора Российского Петра III).

В итоге большинство влиятельных особ высказалось за кандидатуру Петра Алексеевича, который должен был до 16 лет находиться под опекой Верховного тайного совета и обязаться под присягой не мстить никому из подписавших смертный приговор его отцу, Алексею Петровичу. Петр II был коронован 6 (17) мая 1727 года.

Кстати, следует отметить, что в июле 1727 г. (то есть спустя полтора месяца после смерти Екатерины) Указом Верховного тайного совета был изъят «Устав о наследии престола».

При Петре II состав Верховного тайного совета поменялся: из первоначальных членов Совета остались трое – Голицын, Головкин и Остерман, в совет также были включены братья Долгорукие (князя Василий Лукич, Иван Алексеевич, Василий Владимирович и Алексей Григорьевич).

Остерман против Долгоруких и Меншикова, кто кого? Петр II – мальчишка, который вступил на престол, когда ему было одиннадцать с половиной лет, и умер, когда ему не исполнилось и пятнадцати. Как он мог управлять государством? Естественно, не мог. Это делали совсем другие люди.

Петр, как и всякий мальчишка его возраста, любил увеселения, охоту, чем и пользовались окружавшие его люди, особенно это касалось князей Долгоруких.

Остерман был воспитателем Петра II, назначенным еще Екатериной I. И каким воспитателем! Трудности, которые ему приходилось преодолевать, не ограничивались юным возрастом и буйным темпераментом воспитанника. Остерману нужно было конкурировать с Долгорукими. И он это проделывал успешно, хотя история, география и геометрия не идут ни в какое сравнение с охотой с борзыми, чаркой венгерского и кутежами.

А. И. Остерман, наделенный значительным природным умом, был начитан и высокообразован. И он, безусловно, благоприятно влиял на молодого наследника престола. Он создал весьма обширную программу обучения Петра Алексеевича, которая состояла из 11 параграфов и была рассчитана на четыре года.

Основываясь на собственном опыте, А. И. Остерман понимал необходимость изучения иностранных языков, при этом первенство отдавалось латыни – основе европейских языков. Благодаря его усилиям молодой русский наследник умел говорить по-французски и по-немецки. Из других наук Остерман выделял, как наиболее важные для будущего государя, историю, которую он называл «наукой государственного благоразумия», различные виды управления государством, права и обязанности верховного и земского начальства, учение о союзах, о посольском праве, о войне и мире, о военном искусстве. «История, – писал граф Генрих Остерман в своей предназначенной для царя Петра II «Инструкции по образованию», – это зеркало мира. Одна часть служит лишь увеселению и удовлетворению любопытства... Другая часть служит примером как для подражания хорошему, так и во избежание пагубного. И это ее основная цель...»

В остермановскую систему входило изучение литературы, математики, географии, физики, архитектуры, а также геральдики и генеалогии. Для удобства преподавания предполагалось составить извлечения из разных ученых сочинений для обучения царя. Время учебы не должно было длиться больше часа, затем следовали отдых и забавы. Уроки нужно было излагать в виде разговоров и бесед, а не утомлять учащегося множеством писанины и чтения.

По мнению Остермана, Петру Алексеевичу нужно было вести дневник и отмечать в нем важные места из прочитанных книг. Особое внимание уделялось опыту правления при Петре Великом. Учебных дней предполагалось пять в неделю, а в конце недели уделялось время забавам – стрельбе, музыке, игре в бильярд, поездкам в летний дом и «в огород».

Однако несмотря на усилия наставника, его воспитанник тратил гораздо больше времени не на учебу, а на забавы. Петр Алексеевич пристрастился к охоте и большую часть времени предавался этому занятию; особенно часто он охотился в окрестностях Москвы, куда двор вернулся после воцарения Петра II в 1727 году.

Долгорукие – лучшие друзья царя, его ближайшее окружение, они развлекают царя, льстят, забавляют, соблазняют доступными удовольствиями. Остерман не спорит. Он просто остается вершить государственные дела. Его никто не убирает, потому что государством нужно управлять каждый день. А Остерман это может.

Если Долгорукие желают получить побольше благ для себя, манипулируя юным царем, обольщая его, завлекая охотой и прочим, стараясь женить на княжне и тем самым пробраться в царские родственники, чтобы таким образом застраховать свое будущее у трона, то Остерман занимается политикой, верша государственные дела, по сути, просто брошенные и забытые всеми в пылу увлекательного действия «кто больше завоюет для себя благосклонность юного царя». Меншиков и Долгорукие, как канат, перетягивают

мальчишку Петра II. Остерман играет во взрослые игры, делая крупные ставки с дальним прицелом. Он мыслит стратегически. И поэтому выигрывает.

Почти тотчас же после коронации Петра II начались очередные склоки, вызванные недовольством знати поведением Меншикова. Меншиков – «полудержавный властелин», который фактически оттеснил царя и стал первой фигурой в государстве, говоря современным языком, зарвался. В монархическом государстве первый – всегда монарх (даже слабый и марионеточный), но создается видимость, что он – главный, пусть он даже царствует, но не правит. А Меншиков посягнул именно на эту видимость, стал *для всех очевидно* помыкать царем, повелевать им, отчитывать как мальчишку на глазах у свиты, держать чуть ли не в заточении у себя во дворце на Васильевском. Естественно, что когда кто-то начинает демонстрировать свою силу столь показательно – его уничтожают.

С Меншиковым так именно и произошло. При этом Остерман как настоящий «серый кардинал» сначала помог Меншикову возвыситься, а потом помог его убрать. И сделал это чужими руками. Осенью 1727 г. Остерман перешел на сторону враждебного Меншикову клана князей Долгоруких и стал одним из инициаторов свержения и ссылки светлейшего в Сибирь. Остерман был вынужден «поставить» на Долгоруких: иноземец в России (пусть и увенчанный славой искусного дипломата) может вершить свою политику лишь в тесном союзе с русскими вельможами.

Любой человек, который стремится управлять государством, должен на что-то опираться. Иначе нельзя. У человека должны быть «силовые возможности» в лице войска, армии (гвардии в данном случае), у этого человека должны быть надежные люди на ключевых государственных постах, а Меншиков стал этими правилами политика пренебрегать. Он считал, что достиг такой высоты, что ему теперь это не обязательно: он без пяти минут царский зять, богатейший человек России и может играть без правил. Ему уже ничего не надо. И Меншиков перестает являться в Верховный тайный совет, а в Верховном тайном совете сидит Остерман. И он тихо решает эти важные вопросы за спиной Меншикова.

Когда Меншиков спохватился, было поздно. И ему никто не помог, он оттолкнул всех союзников. Остерман опять встал на сторону более сильного – и любимца Петра, его неизменного фаворита сослал в Сибирь. В Березов.

Остерману надо бы хорошо запомнить это название. Роковое, судьбоносное название. Остерман подписывает ссылку Меншикова с неведением героя античной трагедии, который повернул колесо судьбы. Через много лет это колесо, раздавившее Меншикова, раздавит и Остермана, который тоже окончит там же свои дни в ссылке и опале.

Треугольник Петр II – Остерман – Долгорукие не так однозначен, как кажется на первый взгляд. Существует ряд гипотез, по-другому расставляющих акценты в этой интриге. Долгорукие, желая полной власти над императором, хотели отправить в политическое небытие не только Меншикова, которого Петр не жаловал, но и Елизавету, которую император жаловал и даже очень еще с тех пор, когда Остерман предложил заключить между ними династический брак. Возможно, между ними и не было любовного романа (все-таки разница в возрасте накладывает отпечаток на отношения), но они были очень дружны, и это факт. А по воле Долгоруких Елизавете уже полгода отказывали в праве присутствовать на охотах и балах, а также получать денежное содержание, достойное ее высокого положения.

Остерман пытался отстаивать интересы дочери Петра Великого. Подавленное состояние духа императора, которого мучила совесть за то, как поступали с Елизаветой, после его тайной встречи с Остерманом только усугубилось. Предчувствуя неизбежные перемены с возвышением хитрых, деспотичных Долгоруких, вице-канцлер приехал на Рождество в Москву, надеясь отговорить Петра от бракосочетания. Император слушал, только иногда задавая вопросы о конкретных фактах взяточничества и казнокрадства новых родственников. Можно лишь гадать, что он имел в виду, сказав на прощание Остерману: «Я скоро найду средство порвать мои цепи».

Андрей Иванович уже считал (прямо-таки как Меншиков немного раньше), что позиции укреплены, новый государь послушен его руке. Но и с новым государем дело не заладилось. Петр II неожиданно тяжело заболел.

6 января 1730 г., несмотря на сильный мороз, император неожиданно появился на параде московских полков и принимал его с фельдмаршалом Минихом и Остерманом. Возвращался он в толпе придворных невесты Екатерины Долгорукой, следуя за ее санями. Что замышлял коронованный подросток, обманутый в лучших чувствах опытными интриганами Долгорукими, почему не сел в карету Екатерины – остается загадкой. Дома у Петра начался жар. Врачи обнаружили у него черную оспу и стали ждать кризиса, рассчитывая, что молодой организм справится с болезнью. Но император скоропостижно скончался.

ПРИ АННЕ ИОАННОВНЕ. ВЕРХОВНИК

Бесспорно, Остерман был дипломатическим гением. Но быть дипломатом и не быть политиком невозможно, особенно в переменчивой придворной обстановке тех времен. Удержаться в седле на крутых поворотах истории было трудно! Много раз Остерман повисал над бездной, но благополучно выкарабкавался наверх. При Анне Иоанновне он ближе всего подошел к вершине власти. Он стал важнейшим сановником и уже не ограничивался только внешней политикой, а вел и внутренние дела.

Хитрости Остермана. После кончины Петра II, возведенного на трон с помощью Остермана, но ускользавшего от его политического влияния, Остерман становится настоящим «царедворцем»: хотя он, проявляя тактическую ловкость, держится в тени и в критических ситуациях сказывается больным, все же в значительной мере благодаря ему удается добиться того, что первой «в очереди» на трон оказалась племянница Петра Великого Анна Иоанновна, а не Елизавета, его младшая дочь, которая, как казалось Остерману, из-за своей склонности к Франции уклонялась от его политической линии.

Анне Иоанновне оказывает предпочтение и партия «старой» родовитой знати (в противовес служилому дворянству петровского взлета), которая видит возможность ограничить царский абсолютизм олигархическим правлением, заставив царицу принять их условия избрания на царство.

Анну Иоанновну возводят на престол, но при этом ограничивают ее юридически – специальными условиями, так называемыми Кондициями. Подразумевалось, что она будет во всем слушаться членов Верховного тайного совета и править лишь номинально.

Интересно, что в то время как верховники (Долгорукие и Голицыны) пытались навязать Анне Иоанновне Кондиции, ограничивающие самодержавие, Остерман снова держался в тени. Уклонившись в 1730 г. (он ссылаясь на свое иностранное происхождение и болезнь ног) от участия в замыслах верховников и даже не подписавшись под Кондициями, Остерман примкнул к дворянству и стал вместе с Феофаном Прокоповичем во главе партии, враждебной верховникам. Возможно, он даже переписывался с Анной Иоанновной. Но никаких документальных свидетельств не сохранилось.

Удивительный поворот истории – Россия целый месяц была ограниченной монархией! Анна Иоанновна сначала 25 января 1730 г. Кондиции подписала. Но в России такие номера с бесправным управлением не проходят. И 25 февраля она эти условия и все прежние договоренности разорвала. И многих членов Тайного совета подвергла опале. Избежал этой участи лишь Остерман. Ну кто бы мог сомневаться!

Кабинет министров вместо Верховного тайного совета. Один вместо многих. Более того, в 1731 г. Остерман сумел изменить структуру государственного управления и создать трехчленный Кабинет министров, который стоял выше Сената. Сам же Остерман стал в этом кабинете сначала вторым, а потом (в 1734 г.) и первым министром. В любом случае он там был полновластным хозяином.

Многие решения кабинета современники приписывали Остерману: сокращение срока

дворянской службы, уменьшение податей, меры к развитию торговли, промышленности, грамотности, улучшение судебной и финансовой частей и др. С 1736 г. по болезни Остерман не выезжал из своего дома, однако ни одно крупное государственное дело не обходилось без его участия. Также Остерман фактически руководил всей внешней политикой Российского государства того времени.

Царица Анна Иоанновна вознаграждает его, возведя в наследственное графское достоинство (27 апреля 1730 г.) и дает ему чин сенатора за большие заслуги в государственной и дипломатической деятельности.

Императрица Анна весьма уважала Остермана за солидность, огромные знания и обстоятельность. Без Остермана было не обойтись – надо только набраться терпения, пропуская мимо ушей все его многочисленные оговорки, отступления и туманные намеки, и дожидаться-таки дельного совета.

Педер фон Хавен, посетивший Россию во времена Анны Иоанновны, отмечал: «Остерман сохранял при дворе неизменное к себе доверие, хотя лишь немногие из других сановников умерли естественной смертью, большинство впало в немилость. По этой причине я однажды предложил ему такую анаграмму его фамилии Ostermann Nam Resto, которую он с удовольствием воспринял». Имелась в виду остроумная игра слов: по латыни «nam» – «действительно, поистине», а «resto» – «уцелеть, спастись, сохранять, длиться».

В 1734 г. Остерман заключил в Санкт-Петербурге договор с английским резидентом о дружбе и взаимной торговле на 15 лет. В 1736 г. началась война с Турцией, против которой Остерман активно возражал. Он доказывал новой императрице, что Россия не может извлечь из этого выгод, война приведет к большим военным потерям и значительным финансовым издержкам. Предположения Остермана оправдались. Россия, помимо некоторого расширения своих границ и блистательных успехов своего войска, никаких существенных выгод от войны с Турцией не получила. В 1740 г. был издан манифест, сочиненный Остерманом, о заключении с турками мира. Он получил в награду от императрицы серебряный сервиз, бриллиантовый перстень и пенсию в 5 тысяч рублей.

Миних. Бирон. Остерман. Итак, Остерман достиг вершины своей политической власти, власти, которую ему, однако, приходилось делить с еще двумя немцами: Иоганном Бироном, герцогом Курляндским, политиком скорее средним, но зато любовником царицы, обладавшим огромным влиянием; и честолюбивым генерал-фельдмаршалом графом Буркхардом Христофом Минихом, удачливым военным и президентом Военной коллегии. Этот немецкий триумvirат – впрочем, редко выступавший единым фронтом, но достаточно часто действовавший и плетущий интриги друг против друга, – будет править Россией на протяжении последующих десяти лет.

Стоит напомнить, что в сознании прилежного выпускника советской школы, в винегрете из исторических фактов, фамилия Остерман воспринимается не иначе как часть триады Миних – Бирон – Остерман – визитной карточки немецкого засилья, терзавшего матушку-Русь в зловещие времена Анны Иоанновны. Понятно, что все это – не совсем объективная точка зрения – пристрастная и конъюнктурная, по вполне рациональным причинам введенная в оборот деятелями режима, сменившего режим царицы Анны Иоанновны. Хотя при Анне Иоанновне влияние немцев на российскую политику было огромным, представляется недопустимым говорить о немецком засилье или особенной «немецкой» партии. Соперничество и альянсы при дворе пронизывают все партии и национальности. Большинство немцев на российской службе, и прежде всего Остерман, были приверженцами исключительно интересов монархии и соответствующего правителя.

Что касается триады Миних – Бирон – Остерман, то скорее это было все же Миних. Бирон. Остерман. Три независимых друг от друга деятеля, никогда не составлявшие единой партии. Все трое – неглупые и, по меньшей мере, небездарные. Отличающиеся друг от друга практически во всем. Кроме, пожалуй, одного: для новой царицы, более интересовавшейся роскошной и расточительной придворной жизнью, чем

государственными делами, эти три выдающихся немца (а вскоре и другие специалисты из Германии и Прибалтики) станут главной опорой ее господства, поскольку она не доверяет русской аристократии и живет в постоянном страхе перед заговорами.

Императрица Анна ценила Андрея Ивановича и как человека, целиком зависящего от ее милостей. Он так и не обрусел, хотя и взял жену из русского старинного рода, и оставался для русской знати чужаком, «немцем». Поэтому он так льнул к сильнейшему, причем всегда делал это безошибочно. Сначала таким человеком был для Остермана вице-канцлер П. П. Шафиров, потом А. Д. Меншиков, которого Остерман предал ради Петра II и Долгоруких, затем, при Анне, он заигрывал сначала с Минихом, а потом долго добивался расположения Бирона, став со временем его незаменимым помощником и консультантом.

Бирон понимал, что особая сила Остермана как политика состояла в его феноменальном умении действовать скрытно, из-за кулис. Впрочем, в этой его черте мы не видим какой-то особой злокозненности характера Андрея Ивановича – таков был мир дипломатии XVIII века.

Зачем Остерману власть? Во время правления (точнее сидения на троне) Анны Иоанновны, которая не имела ни желаний, ни способностей заниматься делами монархов – просто идеальный правитель для расцвета феномена «серых кардиналов» – Остерман реально управлял государством. Он – российский государственный деятель и европейский политик. Как использовал Остерман всю полноту власти?

Во внутренней политике он, насколько это вообще возможно, пытался осуществить консолидацию реформ, которые Петром I часто начинал слишком стремительно и импульсивно, совершенно не считаясь со средствами и людьми, и направить их по более спокойному пути.

На посту премьер-министра он, как и ранее, будучи генерал-почтмейстером, председателем Комиссии по коммерции и Военно-морской комиссии, прежде всего заботился об организации почтовой связи и транспорта, строительстве дорог и расширении их сети на восток: необходима была не только ориентация экономики и торговли на Запад, но и их экспансия в Сибирь и Китай. Он пытался создать лучшие условия для частной инициативы, укрепить купечество и внешнюю торговлю, снизить таможенные пошлины и эффективнее использовать залежи полезных ископаемых. Он также обращал внимание на тяжелое положение крестьян и пытался облегчить социально-правовые условия их существования. Он предпринял усилия по модернизации флота, любимого детища Петра Великого, и оживлению торгового судоходства. Он продолжал оказывать интенсивную поддержку наукам и образованию в петровском духе и в целом старался выстроить более эффективную государственную машину для управления этой огромной империей.

Но прежде всего Остерману важно было обеспечить достижение своих долгосрочных внешнеполитических целей и одновременно расставить новые вехи. Доминантами этой внешней политики являются: упрочение политической, экономической и культурной открытости по отношению к Западу – завещание Петра Великого, защищать которое он старается всеми средствами; стабилизация достигнутой новой роли России как европейской великой державы, и прежде всего – оттеснение Османской империи. На флангах этой политики – обеспечение российского влияния в странах, являющихся ее непосредственными соседями – Польше и Швеции. Этим Остерман надеялся успокоить ситуацию на подступах к России, погасить исламскую экспансию и одновременно добиться на южных границах империи того, что когда-то удалось достичь в итоге Северной войны на Балтийском море: получить новый выход к морю, что означает – открыть для России Черное море.

Для реализации этих целей Остерман делает ставку на абсолютную царскую власть, на династическое обеспечение своей «системы» через хитроумную и проводимую в строгой тайне матримониальную политику царской семьи с германскими княжескими

домами, а также на прочный союз с Австрией при его дополнительных гарантиях благодаря альянсам с Пруссией и Англией.

Новую систему союзов Остерман, по-видимому, и здесь продолжавший развивать идеи Лейбница о соперничестве обеих стран с турками и их общей задаче спасти христианскую Европу от ислама, выстроил в общих чертах уже в 1725 г. в памятной записке. Эти соображения в конечном итоге вылились в смену дипломатических ориентиров России и отход от политики союзов Петра Великого, в последние годы жизни повернувшегося к Франции.

Эта новая система – «оборонительная политика равновесия», направленная против всяческих гегемонистских устремлений Франции, порождает значительные внутривластные трудности, поскольку отношение к его политике при царском дворе далеко не однозначно. Но эта система, в комбинации с дипломатическими мерами по обеспечению мира на Севере, хорошо проявила себя как в войне за польское наследство 1733–1735 гг., так и в, хотя и не столь успешных, походах против турок (1737–1739). Система Остермана с ее принципиальной ориентацией на союз с Австрией выдерживает и потрясения, испытанные европейской государственностью в 1740 г., и тяжелые последствия смен правительств в Берлине, Вене и Санкт-Петербурге, пусть Остерману и не удастся, несмотря на все усилия, предотвратить военные столкновения между Пруссией и Австрией.

Система Остермана даже переживает его собственное падение, поскольку – ирония судьбы! – сохраняется без каких-либо изменений при новой царице Елизавете Петровне. Эта «система союзов Остермана» представляет собой его самое оригинальное и важное достижение в области внешней политики и на многие годы остается главной константой европейской политики.

Следует признать: в условиях крайней нестабильности отношений власти в тогдашней России, при сорванных деньгами на содержание дворов, но малопригодных для государственных дел преемниках и преемниках Петра Великого, многое в государственной политике носило лишь эпизодический характер. Остерману не всегда везло во внутривластных делах, и в целом ему негде было развернуться. Но тем не менее, Андрей Иванович Остерман (как он уже давно именует себя) – единственный при российском дворе имеет ясные цели и пытается добиваться их, проявляя при этом немалую ловкость. Будучи компетентным, творческим, трудолюбивым и к тому же, как постоянно подчеркивают современники, неподкупным специалистом, Остерман заботился о бесперебойном ведении правительственных дел.

По крайней мере, таково мнение многих иностранных послов, например, саксонского временного поверенного Иоганна Лефорта: «К Остерману я испытываю большое доверие; огромная российская государственная машина в основном держится на нем, и он единственный неподкупен». Аналогичного суждения придерживается его важнейший политический противник на европейской сцене – французский министр иностранных дел кардинал Флери: «Остерман единственный министр в Петербурге, который действительно в состоянии работать и вести дела».

А прусский король Фридрих Великий с уважением подчеркивал, что в «школе опыта» Остерман сформировался в человека, способного нести «бремя государственных дел»: «Как опытный рулевой, он неизменно уверенной рукой вел корабль государства сквозь бури революций. Он был уроженцем графства Марка в Вестфалии и имел невысокое происхождение. Но природа раздает таланты невзирая на генеалогическое дерево... Он был осторожен и дерзок, смотря по обстоятельствам, и отказывался от участия в придворных интригах, чтобы сохранить в своих руках государственные бразды правления».

Хотя многие действия и решения Остермана могут быть расценены по-разному, в том числе и критически, одно бесспорно: граф Генрих Остерман с 1725 по 1740 год принадлежит к числу самых значительных государственных деятелей Европы. Он

просвещенный, рационально мыслящий и действующий политик, для которого существует один приоритет – «государственные интересы».

Уже из-за одного этого он неизбежно должен был войти в противоречие со многими интересами при дворе. Но, несмотря на все противодействие вельмож, на всю вражду и непостоянство придворных союзов, он сохранил рациональную часть реформ Петра I и сохранил для будущего России европейские идеи Просвещения и Прогресса. Тем самым он обеспечил не только европейский статус России, но и на длительное время – свое политическое выживание. Ведь, без сомнения, его политическое существование тесно связано с сохранением, защитой и развитием петровских идей и реформ.

Как удалось Остерману всего достичь? Он был гениальным мастером политической тактики и стратегии. Это стало возможным только благодаря тактической ловкости, тонкому психологическому чутью и способности приспосабливаться к людям и обстоятельствам, одновременно влияя на них в своих интересах.

Современник, наблюдавший Остермана вблизи, характеризует его следующим образом: «Граф Остерман, бесспорно, был одним из величайших министров своего времени. Он обладал глубокими знаниями преимуществ всех европейских дворов. Он умел проникать в суть вещей и обладал недюжинным умом. Он был чрезвычайно работоспособен, очень ловок и неподкупен... С другой стороны, он был сверх меры недоверчив и часто слишком давал волю своей подозрительности. Он не выносил, чтобы кто-то был равен ему или выше его по положению... Он хотел решать все дела, прочие должны были только поддакивать и подписывать. Благодаря своей государственной мудрости, подсказывавшей ему, когда имеет смысл притвориться больным, он возглавлял 6 правительств подряд... У него была особая манера говорить так, что лишь очень немногие могли похвалиться тем, что поняли его... Все, что он говорил и писал, можно было понимать по-разному. Он был мастером всевозможных перевоплощений, никогда не смотрел людям в лицо и часто бывал растроганным до слез, если считал необходимым расплакаться».

Остерман всегда избегал света гласности и блеска двора. Он культивировал тайную дипломатию внутри и вовне. Но он перегибал палку, в чем позднее его будет обвинять императрица Елизавета: он не проводил совещаний с министрами и предназначенными для этого инстанциями, он принимал все решения «исключительно по своему усмотрению» и вскоре прибрал к рукам «все управление империей». Дела и отчеты попадали не в коллегии и ведомства, а по его указанию «все приносятся к нему домой». И на самом деле, Остерман, действительно часто прихварывающий и больной подагрой, под предлогом того, что у него ноги не ходят, старался решать как можно больше государственных дел за своим домашним письменным столом. Здесь он мог защитить себя от предательства и огласки, здесь он мог держать в руках тайные нити увереннее, чем в коллегиях или при дворе, неумеренные удовольствия, развлечения и поверхностность которого мало импонировали ему.

Впрочем, можно сомневаться в том, что из-за этого он, как иногда предполагают, считался «инородным телом» в придворном обществе. Скорее, его держали на расстоянии самозащита и сознательный расчет – следует отказаться от придворных интриг, чтобы сохранить управление страной. Ведь А. Остерман не чужак и не аутсайдер. Ведь он и его жена Марфа вели в своем великолепном дворце, «одном из самых богатых в Санкт-Петербурге», вполне княжеский, пусть и не совсем уж расточительный образ жизни и выполняли все свои представительские и общественные обязанности. В своем дворце, ограниченном с западной стороны Петровской площадью, а с севера – берегом Невы, Остерман давал официальные приемы, устраивал балы, принимал членов правительства, иностранных дипломатов, ученых и художников. Он жил открытым домом – открытым и для искусств, музыки и философских бесед, которые он особенно любил. Его коллекция живописи и богатая библиотека были столь же знамениты, как и позднее пресловутая запущенность его дома и его собственная неряшливость.

ПРИ БИРОНЕ И АННЕ ЛЕОПОЛЬДОВНЕ. КОЛЕБАНИЕ ВЕСОВ

Как известно, после смерти Анны Иоанновны регентом стал Бирон, а императором провозгласили новорожденного брауншвейгского принца Ивана Антоновича, которому предписывалось по мере взросления крепко держаться «регламентов, уставов и прочих определений» Петра Великого (так его называли, как мы видим, уже ближайшие наследники).

Иван Антонович был правнуком царя Ивана Алексеевича (сводного брата и соправителя Петра), внуком царевны Екатерины Ивановны, внучатым племянником покойной императрицы Анны, сыном Анны Леопольдовны и Антона Брауншвейгского. Не умея ходить и говорить, он на другой день после смерти двоюродной бабки уже прислал в Сенат и Синод указ, чтобы Бирона именовали «его высочеством, регентом Российской империи, герцогом курляндским, лифляндским и семигальским».

Но настоящим правителем Российской империи, пусть и на короткое время, но «некоронованным императором» России, становится Андрей Иванович Остерман. Кабинетный министр, граф, вице-канцлер, вице-президент Коллегии иностранных дел, в 1742 г. он получил свой странный для многих чин генерал-адмирала – высший морской чин, хотя был человеком совершенно невоенным. Звание это скорее почетное, нежели «боевое», но факт показателен.

Из превратностей борьбы за провозглашение царем Иваном VI младенца Иоанна Антоновича, родившегося от созданного руками Остермана брачного союза герцога Антона Ульриха Брауншвейгского и Анны Леопольдовны, урожденной принцессы Мекленбург-Шверинской, племянницы императрицы Анны Иоанновны, Остерман в конце концов вышел единственным победителем. Прочие немцы – недолго пробывший регентом Бирон и неудачно действовавший, слишком самоуверенный первый министр Миних – лишились власти или лишали власти друг друга.

После свержения временщика Бирона явилась на непродолжительное время новая государыня – Анна Леопольдовна. При этом Остерман на всякий случай по старой привычке вновь «сделался больным». Сам Бирон, надеявшийся удержаться у власти, не без сарказма писал русскому посланнику в Варшаву: «Остерман лежит и во все время один только раз брился, жалуется на боль в ушах, обвязал себе лицо и голову...» Но болезнь эта продлилась недолго. Как только Бирона отправили в ссылку, Остерман «выздоровел» и опять стал фактически главой правительства. После падения Бирона роль Остермана только возросла.

С марта 1741 г. официальное положение Остермана хотя и несколько поколебалось (он председательствовал во втором департаменте Кабинета, где сосредоточивались дела иностранные и морские, но звание вице-канцлера за ним не было сохранено), однако неофициальный его статус остался прежним. Снова именно Остерман, временно оттесненный на незначительную должность генерал-адмирала (незначительную только внешне), играет первую роль в империи. И притом один он и только он.

Это положение перенапрягает не только силы болезненного человека, но и выходит за рамки его личностного потенциала: блестящий, знающий, тактически искушенный политик и специалист не в состоянии долго играть роль регента государства и удерживать вкупе расходящиеся интересы армии, церкви и администрации.

В 1741 г. он принимал персидское посольство, которое намеревалось встретиться и с цесаревной Елизаветой. Остерман помешал этой встрече. Тогда-то дочь Петра в ярости велела передать влиятельному министру: «Он забывает, кто я и кто он сам – писец, ставший министром благодаря милости моего отца. Он может быть уверен, что ему ничего не будет прощено». У Елизаветы была хорошая память.

Возможно, в этом эпизоде Остерман и совершил свою главную роковую ошибку, а так – кто знает? – правил бы он и при Елизавете...

Через шпионов он знал о заговоре сторонников Елизаветы Петровны, но его

предостережения были оставлены правительницей Анной Леопольдовной без внимания.

ПРИ ЕЛИЗАВЕТЕ. ПОРАЖЕНИЕ И НИЗВЕРЖЕНИЕ

К концу правления Анны Леопольдовны влияние Остермана на ход государственных дел снова начинает восстанавливаться. Но падение Брауншвейгской фамилии прервало его служебную карьеру. Без опоры при дворе господство Остермана и нового царя-младенца, немца по рождению, длится недолго.

Старый лис попался! Привыкший действовать в политических потемках, умевший загребать жар чужими руками, он оказался несостоятелен на свету как публичный политик, как лидер, не имея необходимых в этой роли качеств – воли, решительности, авторитета, того, что называют харизмой. Да и врагов у него хватало. Один из них только ждал момента, чтобы вцепиться в Остермана.

Этим главным врагом Остермана была красавица-цесаревна Елизавета Петровна. В правление императрицы Анны Остерман интриговал с целью устранить Елизавету от престолонаследия, сбыв ее с рук за границу в жены какому-нибудь захудалому принцу. И цесаревна знала о кознях Андрея Ивановича, поэтому неудивительно, что переворот 25 ноября 1741 года, приведя к власти Елизавету Петровну, унес Остермана в небытие.

В ночь на 25 ноября 1741 г. Елизавета, обойденная в престолонаследии дочь Петра Великого, облачилась в кирасу поверх платья, только без шлема, и с крестом в руке вместо копья явилась в казармы Преображенского полка, где ее уже ждали верные гвардейцы. Она произнесла всего лишь несколько фраз: «Клянусь умереть за вас, клянетесь ли и вы умереть за меня?» Получив утвердительный ответ, она повела их в Зимний дворец, без сопротивления проникла в спальню правительницы Анны Леопольдовны и со словами: «Пора вставать, сестрица!» – собственноручно арестовала ее.

В ту же ночь был взят под стражу и граф Остерман, сильно помятый солдатами при аресте. Его лишили всех почестей, должностей и состояния, а под конец своей карьеры он владел весьма значительным, пусть и не чрезмерным, состоянием, в том числе несколькими домами в Санкт-Петербурге и Москве, а также деревнями под Москвой и в Лифляндии.

Остерман как глава ненавистной немецкой «правлящей клики» (Елизавета сознательно делает акцент на противоречии между «прирожденными русскими» и «чужими людьми») подвергается аресту и заточению в Петропавловскую крепость вместе со своими сторонниками.

Следственная комиссия возвела на него множество обвинений:

- подписав духовное завещание Екатерины I и присягнув исполнить его, он изменил присяге;
- после смерти Петра II и Анны Иоанновны устранил Елизавету Петровну от престола;
- сочинил манифест о назначении наследником престола принца Иоанна Брауншвейгского;
- советовал Анне Леопольдовне выдать Елизавету Петровну замуж за иностранного «убогого» принца;
- раздавал государственные места чужестранцам и преследовал русских;
- делал Елизавете Петровне «разные оскорбления» и т. п.

За все это он как «государственный преступник» вместе с прочими обвиняемыми был приговорен к смерти, и в последний момент его, уже ожидающего казни на эшафоте, новая царица помиловала, заменив казнь на пожизненную ссылку (1742).

Историк Д. Бантыш-Каменский писал: «Солдаты, стащив тогда графа с носилок, положили его на плаху, к которой приблизился палач и, расстегнув воротник рубашки и шлафрока его, оголил шею. Все сие не более минуты продолжалось, как объявили графу Остерману, что императрица переменяла смертную казнь его на вечное в Березов

заточение. Солдаты подняли тогда графа и посадили снова на носилки. В то время потребовал он, чтобы ему подали парик его и колпак; надел их на голову и застегнул воротник у рубашки и шлафрока, не показав ни малейшей в лице перемены. Великий человек всегда, даже и в несчастье, является великим! В следующий день граф Остерман, мучимый сильной подагрой, отправлен был из Петропавловской крепости в Сибирь. Последние его слова состояли в покорнейшей просьбе, чтобы императрица не оставила милостивым и великодушным покровительством его детей».

Следует заметить, что дети его действительно не были «оставлены милостью»: старший сын, Федор Андреевич, дослужился до генерал-поручика, стал тайным советником, сенатором, а младший, граф Иван Андреевич, поднялся еще выше, он занимал пост канцлера России.

Угасание в далекой сибирской ссылке в те годы было едва ли не нормой завершения яркой политической карьеры в России – в том же Берёзове восемнадцатью годами ранее умер сосланный туда не без помощи Остермана Александр Меншиков, а в тридцатые годы туда ссылали князей Долгоруких, к чему Андрей Иванович также приложил свою незаметную руку. Сам же граф Остерман протянул на берегах неприветливой Сосьвы свыше пяти лет, больше, чем «полудержавный властелин», но меньше, чем даже более старый Бурхард Кристоф Миних, который отбыл в своей пелымской ссылке все двадцатилетнее царствование Елизаветы и вернулся затем в Петербург после реабилитации Петром III. Нет сомнения, впрочем, что, доживи Остерман до 1762 г. – и его бы тоже простили.

Справедливости ради надо сказать, что репрессии Елизаветы коснулись лично Остермана, но не его семьи и состояния. О детях Остермана мы уже писали, теперь несколько слов о его жене – Марфе Ивановне Стрешневой (родственнице бабки Петра Первого), статс-даме двора Анны Иоанновны. Она была вольна остаться в столице и пользоваться его имуществом и деньгами. Однако предпочла разделить с опальным мужем ссылку – так что отнюдь не жены декабристов завели на Руси этот обычай.

Итак, Андрей Иванович Остерман, один из искуснейших дипломатов Российского государства, прожил последние пять лет своей жизни в Сибири. О чем он думал в долгие зимние ночи в Берёзове, мы не знаем. Вспоминал ли он родной патриархальный Бохум и ту страшную ночь, когда в трактире «У Розы» он убил приятеля и искалечил свою жизнь. А может быть, вовсе не искалечил?! Если бы он не устроил этой драки, то кончил бы университет, стал пастором, профессором, задушил бы в себе честолюбивые стремления, мечты, не вошел бы в историю и умер бы безвестным.

И наконец, 21 мая 1747 г. в 4-м часу пополудни Генрих Иоганн Остерман окончил жизнь в том же самом Берёзове, где когда-то скончался Александр Меншиков.

Круг замкнулся. Случайность, мрачная ирония судьбы или воздаяние?

ПРИ ЕКАТЕРИНЕ II. ВОЗВЫШЕНИЕ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Судьба Остермана – горький конец одной немецкой карьеры в России? Или лишь временный «откат» перед началом истории успеха русского рода Остерманов, корнем которого был Генрих Остерман – немец, ставший крупным российским государственным деятелем, мысли и чувства которого, возможно, были все еще мыслями и чувствами немца, но жизнь и поступки были жизнью и поступками русского и служили России.

Остерман и его семья полностью были реабилитированы императрицей Екатериной II, графский титул подтвержден и, чего ранее не было, теперь уже официально был выдан графский патент «в знак высокой оценки заслуг графа Остермана» и его особой верности царскому дому – впечатляющий документ. Семейный герб заносится в геральдическую книгу российских дворянских родов.

Судьба распорядилась таким образом, что после смерти Андрея Ивановича род Остерманов не имел продолжения по мужской линии. Как уже говорилось выше, А. И.

Остерман женился довольно поздно, в возрасте тридцати трех лет, на Марфе Ивановне Стрешневой. От этого брака родились три сына и дочь Анна (1724–1769).

Старший ребенок, названный в честь царя Петром (1722–1723), умер, не прожив и года.

Средний, Федор (1723–1804), сделал блестящую карьеру. В восемнадцать лет он уже имел чин капитана гвардии и орден Александра Невского. Однако из-за опалы отца в 1742 г. был лишен ордена и переведен в пехотный полк, расположенный в далеких башкирских степях. Во время Семилетней войны Федор Остерман отличился как офицер, он участвовал во всех крупных сражениях с Пруссией, проявив удивительные отвагу и храбрость. В 1758 г. получил чин полковника, а в 1762 г. – генерал-майора. После восшествия на престол Екатерины II был награжден орденом Св. Анны и назначен командиром Московской дивизии. В 1768 г. Ф. А. Остерман вновь стал кавалером ордена Александра Невского. С 1773 г. служил генерал-губернатором Москвы. В 1782 г. получил высший орден Российской империи – орден Андрея Первозванного. Последние годы жизни провел в Москве. Был женат на Анне Васильевне Толстой, но детей не имел. Екатерина II разрешила передать фамилию и титул внучатому племяннику.

Младший сын Остермана Иван (1725–1811) также был записан в гвардию и уже имел чин капитана. В связи с опалой отца был переведен в армию без чина. После ухода в отставку объехал всю Европу, занимался своим образованием, изучил несколько языков. С ослаблением при дворе влияния врагов А. И. Остермана Ивану удалось поступить на дипломатическую службу. С 1757 г. он работал в посольстве в Париже, затем в Стокгольме, где пользовался большим авторитетом.

С 1783 г. И. А. Остерман также становится вице-канцлером, а на короткое время даже канцлером Российской империи, возглавив Коллегию иностранных дел. За время его дипломатической службы Россией было заключено немало выгодных договоров. По отзывам современников, он не был способен к самостоятельной деятельности, но умел пользоваться инициативой талантливых помощников. В 1797 г. граф Остерман, кавалер многих российских орденов, вышел в отставку. Последние годы жизни провел в Москве, поселившись в Божедомском переулке. Хлебосолество и открытый дом Остермана были известны на всю «первопрестольную». Иван Андреевич был женат на А. И. Талызиной, но детей у него не было.

Поскольку все сыновья А. И. Остермана остались бездетными, с их смертью угасла мужская линия Остерманов в России.

Фамилия и наследственный графский титул были переданы потомкам дочери Анны, которая вышла замуж за представителя дворянского рода Толстых. Первым фамилию Остерман-Толстой стал носить внук Анны – Александр Иванович Толстой, который наряду с титулом унаследовал также и большое состояние. Соответствующая ветвь с тех пор стала носить имя Остерманов. Заслуженный генерал, он принимал участие в освободительных войнах с Наполеоном и в битве при Кульме. Он, как и его сестра Наталья, связал себя брачными узами с родом Голицыных. Так возникла связь Остерманов с одним из самых богатых и влиятельных российских княжеских родов. Их потомки получили право именоваться князьями Голицыными графами Остерманами.